

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый Город» признаны
ЛУЧШИМИ КНИГАМИ 2000 ГОДА

А.С. ПУШКИН

Автор А. Самарцев
Художник А. Чаузов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2003

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

1799—1811 гг.

Детские годы в Москве. Домашнее воспитание, летние месяцы в Захарове; знакомство с представителями русской литературы.

ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДЫ. 1811—1817 гг.

Первые поэтические опыты — «К другу стихотворцу» (первое печатное произведение, 1814 г.), «Мечтатель», «Сраженный рыцарь», «Воспоминания в Царском Селе», «Городок» (1815), «Усы» (1816).

Знакомство с П. Чаадаевым, оказавшим особое влияние на духовную жизнь поэта.

ПЕТЕРБУРГ. 1817—1820 гг.

Служба в Коллегии иностранных дел; активное участие в литературной, театральной жизни столицы; активная деятельность в «Арзамасе»; посещение общества «Зеленая лампа».

В эти годы написаны: ода «Вольность», «Сказки» (1818), послание «К Чаадаеву» (1818), стихотворение «Деревня» (1819), первая поэма «Руслан и Людмила» (1820), начатая еще в Лицее.

ЮЖНАЯ ССЫЛКА. 1820—1824 гг.

28 мая — август 1820 г. — путешествие с семьей генерала Н.Н. Раевского по Северному Кавказу и Крыму.

Август 1820 г. — выход в свет поэмы «Руслан и Людмила».

Кишинев — 21 сентября 1820 г. — начало июля 1823 г. — встреча с деятелями Южного тайного общества, знакомство с П.И. Пестелем.

Одесса — 3 июля 1823 г. — 1 августа 1824 г. — начат «Евгений Онегин».

На юге написаны: поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы»; стихотворение «Наполеон», элегия «Погасло дневное светило...», баллада «Песнь о вещем Олеге».

МИХАЙЛОВСКАЯ ССЫЛКА. 1824—1826 гг.

В годы ссылки написаны: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», (IV—VI главы), «Граф Нулин», десятки лирических стихов («Фонтану Бахчисарайского дворца», «Ненастный день потух», «К Языкову», «Разговор книгопродавца с поэтом», «19 октября» и др.

МОСКВА. Сентябрь 1826 г. — май 1827 г.

Встреча с царем Николаем I.

8 сентября — приезд в Москву.

В Москве написаны: «Стансы», «Послание в Сибирь», «Арион».

ПЕТЕРБУРГ. 1827—1829 гг.

Пушкин начал писать повесть «Арап Петра Великого».

Написаны: главы «Евгения Онегина», поэма «Полтава», стихотворение «Анчар».

1 мая — 20 сентября 1829 г. — посещение Кавказа. Написано «Путешествие в Арзрум».

1830—1837 гг.

Издание «Литературной газеты». Полемика с «Северной пчелой», издаваемой Булгариным.

В Болдине написаны: «Повести Белкина», завершен «Евгений Онегин», сказки, «Русалка», «Песни западных славян», «Сцены из рыцарских времен», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Скупой рыцарь», «Дон-Жуан», «Пиковая дама», «Дубровский», «Анжело», «Медный всадник», «История Пугачевского бунта», «Капитанская дочка», «Пир Петра Первого», «Египетские ночи», «Памятник», около тридцати стихотворений.

18 февраля 1831 г. — женитьба поэта на Н.Н. Гончаровой.

Осень 1833 г. — поездка в Поволжье и на Южный Урал за материалом о Пугачевском восстании.

1836 г. — основание журнала «Современник».

1837 г. — дуэль с Ж. Дантесом и смерть.

ЭТОТ «ЕГОЗА» ПУШКИН

Пушкин появился на свет 26 мая 1799 года (6 июня по новому стилю) в Москве. В это время цветет сирень. Почти лето. Садов по холмам видимо-невидимо. Род Пушкиных древний, но к XVIII веку обеднел. Да и Москва уже почти век не столица. Много деревянных усадеб. Земли глинистые, грязь. Дороги — дрянь. Зато балы и званые обеды, знаменитая «ярмарка невест» в Благородном собрании, кресты да золотые купола на каждом шагу — есть на что посмотреть.

Место, где Пушкин родился, называется Немецкая слобода. Неподалеку Петр I еще подростком пускал по речке Яузе игрушечные кораблики. Затем судно покрепче и покрупнее — ботик. Здесь начинался русский флот. А в 1706 году Петру привезли в подарок из турецкой столицы арапчонка. По-нынешнему — эфиопа. Был он княжеского рода, который восходил к самому Ганнибалу, полководцу, наводившему ужас на древних римлян.

Петр стал Ибрагиму Ганнибалу крестным отцом, полюбил его и одним из первых послал в Европу учиться.

Характер у крестника был весьма отчаянный. Он и учился, и буянил, и влюблялся. Страстная натура. Африканская кровь. Этот африканец стал одним из пушкинских прадедов. Кудри Пушкина и пухлые губы — от него. А в чем-то и характер. Так вышло, что и родители поэта, оба, унаследовали кровь Ганнибалов.

Ибрагим был дедом Надежды Осиповны, матери Пушкина. Отец же, Сергей Львович, по одной из линий состоял с ней в дальнем родстве. Линия эта и была той самой, африканской.

Окрестили мальчика Александром в честь прадеда Александра Петровича Пушкина. Сразу после крестин уехали в деревню Захарово. Все дворянские семьи так поступали. И богатые, и не очень. Быт что в Москве, что в деревне почти одинаковый, а к природе ближе, да и расходов поменьше.

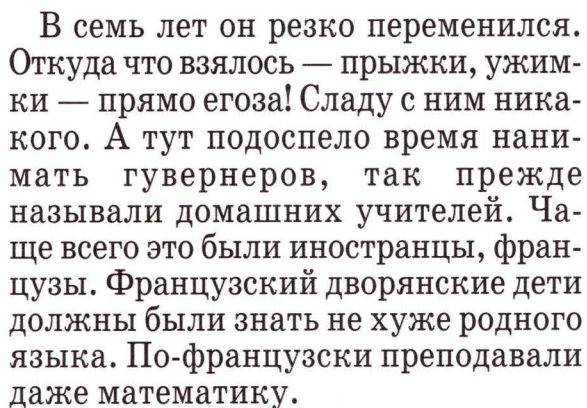
Ребенком Пушкин ничем не выделялся и особых надежд не подавал. Разве что крупный и неповоротливый. Часто сидел задумчивый, но считалось, что причиной тому его тучность. О чем он там думает, разве угадаешь?

До шести лет Пушкина силой заставляли даже гулять, бегать на прогулках. Он упирался, сердился. А, если уступали, на радостях залезал в корзину. Корзина помещалась у ног его бабушки, Марьи Алексеевны. Она что-нибудь вязала или пряжу пряла, а внук молча наблюдал.

*Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.*

A stylized illustration of a young man with curly brown hair, sitting in a large, ornate wooden chair. He is wearing a light green long-sleeved shirt and orange trousers, and is barefoot. He is holding an open book on his lap and gesturing with his right hand. The chair has a green cushion and a dark, carved wooden frame. The background is a warm, orange-red gradient, and the floor is covered with a patterned rug.

Особенно донимала его арифметика. Одолеть первые четыре действия было для Пушкина сущей мукой. Он никак не мог вообразить действия, подобного делению числа на число. И плакал.

Со стороны это выглядело уморительно.

Сильнее всего Пушкин полюбил чтение. Уже в девять лет он одолел «Илиаду» и «Одиссею». Перечитывал их постоянно. Длинные стихи, написанные тяжеловесным гекзаметром, заучивались сами собой. Но книг, которые ему давали, Пушкину не хватало. Тогда он забирался в отцовский кабинет. Тайно распахивались книжные шкафы. Красные и золотые переплеты волновали, как неоткрытые острова: Бомарше, Мольер, великие философы — глаза разбегались... Язык давался Пушкину легко, взрослое чтение оттачивало мысли, давало им необходимый простор.

Часто заходил в дом к брату Василий Львович Пушкин. Он считал себя изрядным поэтом. Его поэма «Опасный сосед», что называется, ходила по рукам.

На вечерах у Пушкиных собирались и другие поэты, заходили и Константин Батюшков. В такие дни Александр был в восторге! Как тут не попробовать и самому что-нибудь сочинить! Хотя бы из чувства подражания.

Первые опыты были на французском, так — короткие пьески. Пушкин сам же их и разыгрывал. А в зрители брал Ольгу. Та его однажды освистала (все как у больших).

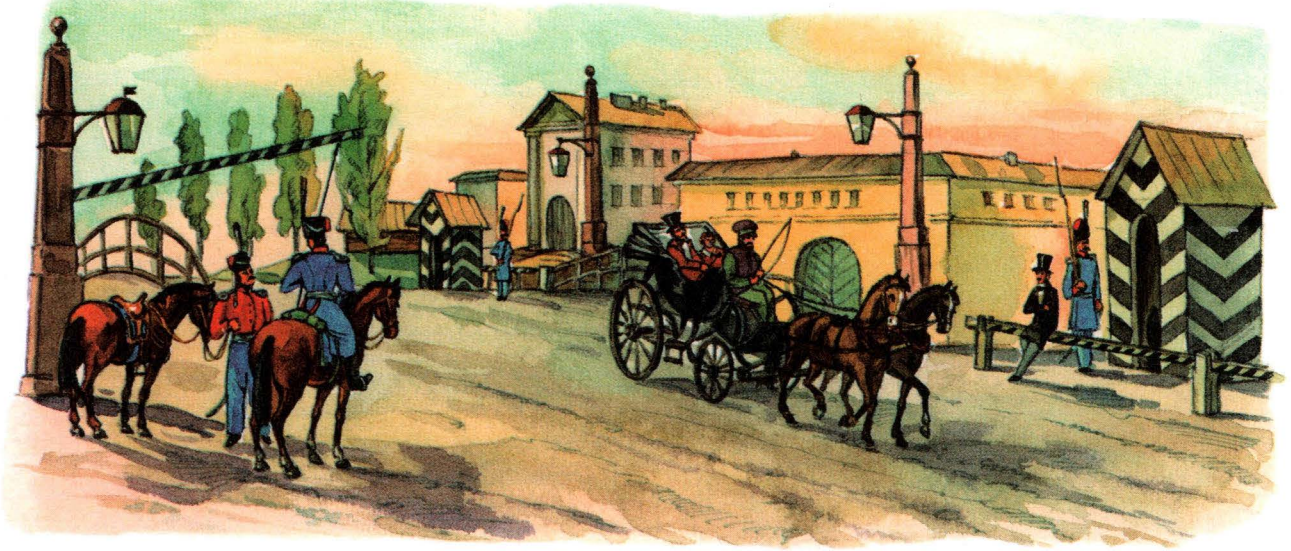
Саша не обиделся и тут же сочинил на себя эпиграмму. «Твоя комедия освистана партером за то, что спер ее ты у Мольера».

Сочинял тогда Пушкин и басни, и героическую поэму про войны карли-

ков. Одна из гувернанток на уроке отобрала тетрадку с поэмой и отнесла к старшему гувернеру. Гувернер открыл тетрадь с поэмой и затрясся от хохота.

У Пушкина брызнули слезы. Он схватил тетрадку и швырнул в камин: от обиды не понял, что не над ним смеялись. Просто поэма вышла живая, с юмором. Но, может быть, огонь — лучшая судьба для первых опытов гения?

ЛИЦЕЙ

Поначалу родители хотели определить Пушкина в католический пансион. В Москве это было тогда модно. Католические священники занимались воспитанием дворянских детей. Это учебное заведение славилось твердыми правилами. А еще — отсутствием тепла в отношениях наставников и учеников. Из этого пансиона вышли будущие декабристы. Но Пушкину выпала иная судьба. Александр Иванович Тургенев, близкий друг дома, произнес магическое слово: «Лицей». Он не знал еще, насколько это была счастливая мысль...

Лицей задумывался как особая школа. С лучшими учителями и закрытым уставом. Предполагалось, что там будет всего тридцать детей, но самых лучших! Тех, кто будет преобразовывать Россию в европейском духе. Они будут воспитываться под покровительством самого царя.

Царские дети, то есть великие князья, а также дети самых знаменитых придворных на равных должны были обучаться с одаренными детьми дворян провинциальных, не очень богатых, а порой и просто бедных.

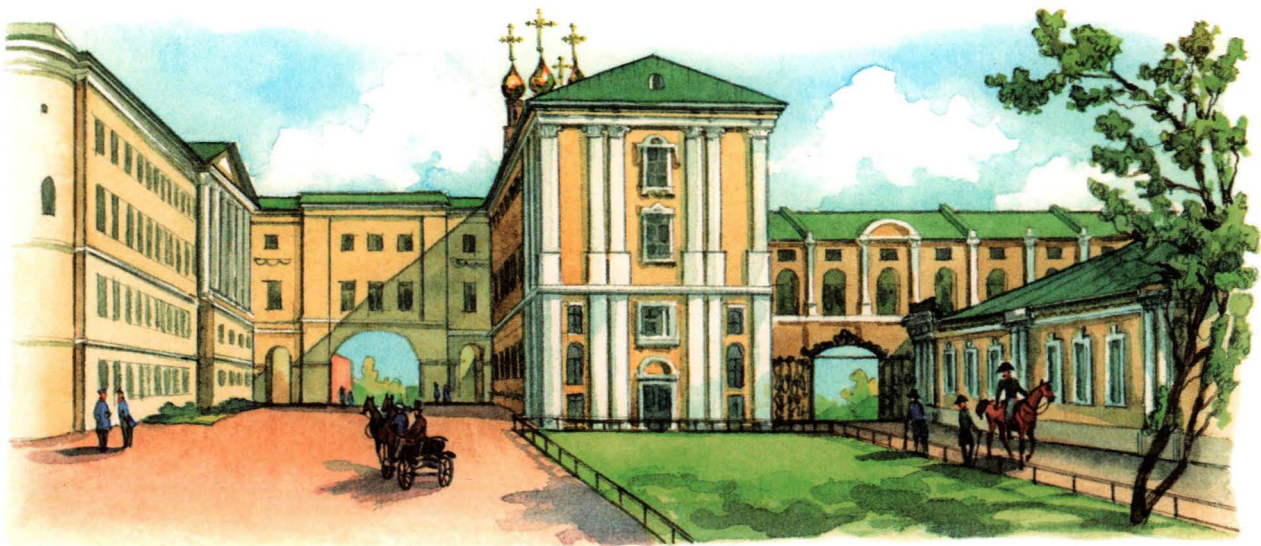
Мечтою основателей было сделать Лицей примером для других учебных

заведений. Замысел был велик, но он дал трещину в самом начале. Царские дети не возглавили список тридцати счастливчиков. Поняв это, знатные придворные решили и своих наследников в Лицей не отдавать. Зачем им знаться с какими-нибудь «выскачками» из провинции? А то еще и с сиротами. Тем не менее желающих набралось гораздо больше, чем ожидалось...

...Пушкин выехал вместе с дядей Василием Львовичем в разгаре июля. До Петербурга их везла почтовая карета. Дядя вызвался быть опекуном Александра. Свои интересы в столице у него тоже были. На первой же станции Василий Львович попросил у племянника сто рублей в долг. Как раз столько, сколько было дано родителями на три месяца подготовки. Впрочем, Василий Львович давно был известен своей нерасчетливостью...

Первое большое путешествие кружило голову. А Петербург потряс его воображение. Прямые улицы, шпиль Адмиралтейства, дворцы!

Торжественное открытие Лицея в Царском Селе состоялось 19 октября. По сегодняшнему календарю уже ноябрь. Валил мокрый снег. Такой крупный, хоть в снежки играй. А тем, кого отобрала Высочайшая комиссия, было от десяти до двенадцати лет.

Сыну будущего первого директора Ивану Малиновскому — даже пятнадцать. Но в снежки играли все с одинаковым азартом. Снег был добрым знаком. Каждый из принятых ощущал вкус будущей лицейской жизни. Будущее могло быть только великим. И свежим, как этот первый снег.

Для Лицея выделили часть Екатерининского дворца. Это был корпус в четыре этажа. На втором и третьем этажах классы, на четвертом — спальные комнаты. Пушкину досталась комната №14. В соседней, №13, поселился Иван Пущин. С Пушкиным он сдружился теснее, чем с прочими лицеистами. Еще когда их выкликали перед вступительным экзаменом, Пущина удивило сходное звучание фамилий.

«Шуметь нельзя!» — объявят лицеистам в первый же день.

А они будут шуметь, как самые обыкновенные дети. Таким же будет и Пушкин. Ему сразу же дадут два прозвища: «Француз» и «Егоза».

*Вы просите у меня мой портрет,
Но списанный с натуры;
Мой милый, он быстро будет готов,
Хотя и в миниатюре.*

*Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье;*

*Не глуп, говорю не стесняюсь
И без жеманного кривлянья.*

*Никогда не было ни болтуна,
Ни доктора Сорбонны —
Надоедливее и крикливее,
Чем собственная особа.*

*Мой рост с ростом самых долговязых
Не может равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы
И кудрявая голова.*

*Я люблю свет и его шум,
Уединенье я ненавижу;
Мне претят ссоры и препирательства,
А отчасти и учение.*

*Спектакли, балы мне нравятся,
И если быть откровенным,
Я сказал бы, что я еще люблю...
Если бы не был в Лицее.*

*По всему этому, милый друг,
Меня можно узнать:
Да! таким, как Бог меня создал,
Я и хочу всегда казаться.*

*Суций бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Вот каков Пушкин.
(Пер. с фр. 1814 г.)*

Своим знанием французского он покори́л всех еще до зачисления. При этом не кичился этим, был прост и отзывчив. И неусидчив, как егоза. Терпеть не мог математику, политические науки, а вот французское красноречие (оно называлось «риторика») стало любимейшим предметом. Про русский и литературу и говорить нечего. А уж когда ученики превращались в литераторов, Пушкину не было равных. Трудно ли описать восход солнца в стихах? Попробуйте!

...Кто-то сразу поражает первой строкой: «Блеснул на западе румяный царь природы...»

Это Павел Мясоедов позаимствовал у какой-то поэтессы.

Пушкин, заметив, что солнце у Мясоедова восходит... на западе, продолжает: «...и изумленные народы не знают, что начать: ложиться спать или вставать».

Стихи рождали соревнования, и у Егозы-Француза нашлись соперники. Короткие, в четыре строчки, эпиграммы, выходили из-под пера Иличевского, «Илесеньки» (Алексей) как его ласково называли. Мягкие лиричные — принадлежали Антону Дельвигу. Он был толст и ленив, но какое глубокое и верное сердце скрывалось под маской лени! Бурный и нескладный Кюхельбекер («Кюхля») писал стихи восторженные и немного несуразные, как и он сам. Над ним смеялись, но Кюхля стоически переносил насмешки. Однажды взрыв все-таки произошел. Это случилось чуть ли не накануне выпуска, когда сам Пушкин задел Кюхлю. Кюхля вызвал друга-насмешника на дуэль. Близи́рующий Кюхля не мог как следует прицелиться, и на самом деле опасность угрожала зрителям больше, чем Пушкину. Первый выстрел был за Пуш-

А.А. Дельвиг

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831), как и Пушкин, был родом из Москвы. Отец его исполнял обязанности коменданта Московского Кремля. Хотя А.А. Дельвиг имел баронский титул, но крестьян у него не было. Дельвиг одним из первых угадал гениальные способности своего друга. В немногочисленных письмах А.А. Дельвига к Пушкину сквозит сердечная привязанность и преклонение перед великим поэтом. Почти в каждом можно встретить такие фразы: «Ваше парнасское величество», «Ваше поэтическое превосходительство», «Великий Пушкин — маленькое дитя», «Целую крылья твоего гения» и т. д. Пушкин платил Дельвику такой же любовью и с лицейской скамьи привык смотреть на него как на ближайшего друга.

А.А. Дельвиг был выпущен из Лицея на службу в министерство финансов, где работал недолго, а с 1820 г. — в Публичной библиотеке Петербурга. В начале 1831 г. он простудился и 14 января умер от горячки. Узнав о его смерти, Пушкин писал П.А. Плетневу: «Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвига».

В.К. Кюхельбекер

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — один из самых близких лицейских друзей Пушкина. В Лицее Кюхельбекер лучше других знал литературу, историю, философию и щедро делился своими знаниями с товарищами по учебе. Александр Сергеевич нежно любил Кюхельбекера, Кюхлю.

Первое напечатанное стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» было обращено именно к нему. Кюхля окончил Лицей с серебряной медалью и, как и Александр Сергеевич, был зачислен в Главный архив Иностранной коллегии. Но чиновника из Кюхельбекера не получилось. Он стал преподавать словесность в Университетском Благородном пансионе.

Участвовал в событиях 14 декабря 1825 г., бежал в Польшу, но в январе 1826 г. был пойман под Варшавой и отправлен в Россию. Когда В.К. Кюхельбекер сидел в тюрьмах, А.С. Пушкин посылал ему книги, вел с ним переписку, вызывая этим гнев и раздражение генерала Бенкендорфа. В.К. Кюхельбекер умер 3 марта 1846 г. в Тобольске.

киным. Стрелять пришлось дважды. Первый выстрел был направлен по основным веткам в снегу, и Кюхля за протестовал. Вторично Пушкин, держа пистолет дулом вниз, спустил курок не целясь.

Мир был восстановлен.

Кюхля, Пушин и Дельвиг — трое самых близких друзей Пушкина. Среди них только Пушин не был поэтом. Федор Матюшкин и Александр Горчаков стихов не писали, но верили в гений Пушкина.

Лицей был своеобразным государством. Многие гувернеры и наставники любили своих подопечных совсем по-родственному. Чувство это было обострено замкнутостью лицейского

мира. Дело в том, что первые три года никого не отпускали по домам. Не приезжали и родители. Звучит невероятно, но у лицеистов не было каникул! Однако это не мешало их вольному образу жизни. Присутствие на царских балах дозволялось, так же как и праздничные гуляния. А на лицейских пирушках пенилось шампанское, звучали стихи... Бокалы с горячим пуншем поднимались за Россию, за вечную дружбу и верность.

После победы над Наполеоном и вступления русской конницы в Париж общим настроением было ожидание перемен. Слава Отечества давала надежды на обновление и свободу.

Свобода означала прежде всего освобождение крестьян, равенство людей не только перед Богом, но и перед Законом. И сам Лицей казался первой ласточкой этих перемен. Политика мало интересовала Пушкина, но он сочувствовал этим настроениям.

В Лицее Пушкина любили. Не за гениальность — за легкость и верность в дружбе. Далеко не первый в науках, ветреный и остроумный, задира и хвастун, он был заводила компаний. Увлечения его менялись чаще, чем погода в мае. Некоторые даже считали его неглубоким, если не пустым: способности блестящие, а ум поверхностный. Самое странное было то, что все эти качества в Пушкине прекрасно сочетались. Каждый видел то, что хотел.

Но наставал час, когда задира и его за забывал обо всем на свете! Его не интересовали пирушки, друзья — он весь загорался высшим пламенем, и муза поэзии одна царствовала в его душе.

*В те дни — во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов
Являться муза стала мне.*

Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,
Вдруг озарилась — муза в ней
Открыла пир своих затей...

В январе 1815 года предстоял в Лицее переходный экзамен. Готовились к нему самозабвенно. Лицею скоро исполнялось три с половиной года. Успела ли идея дать плоды? Захотелось блеснуть перед гостями, разрешили приезжать родителям. Встреча гостей походила на парад. Среди прибывших самый важный — Гаврила Романович Державин. Поэт, да не простой, а придворный, рангом не ниже министра. На Пушкина возлагали надежды. Учитель словесности Галич предложил написать стихи и прочесть их на экзамене.

Пушкина и раньше редко видели сочиняющим. Казалось, что строчки рождаются в нем легко, словно он берет их из воздуха. И Пушкин не спешил разуберять. А тут он все чаще стал уединяться, к обеду приходил бледный, никого вокруг не замечал. И только глаза выдавали тайну его молчания.

*И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным
 проявленьем —*

*И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.*

За три дня до экзамена министр Разумовский лично устроил репетицию. Пушкин читал стихи ему лично. Он назвал их «Воспоминания в Царском Селе».

После чтения Пушкин вышел еще
сосредоточеннее и бледнее.

В день экзамена больше других волновался Дельвиг. Куда девалась его всегдашняя сонливость и лень? Заложив руки за спину, он расхаживал по площадке между первым и вторым этажом, как Наполеон. Ему хотелось первому встретить Державина и поцеловать ему руку.

За входной дверью слышались колокольцы. Дельви́г похолодел. Швейцар объяснял прибывшему, где туалет. (По-русски — «ужник».) Выходит, это и были первые слова Державина в Лицее. Целовать руку Дельви́г передумал. Слово «ужник» в устах поэта никак не вязалось с его величием.

На экзамене Державин дремал.

Когда объявили завершение программы — русскую словесность, слегка крикнул. Оживился, приложил к уху ладонь. Благосклонно кивал, слушая свои знаменитые оды. Его немного развеселил Кюхля. Державин спросил его, что важнее для написания:

следование великим образцам или восторг пиитический?

— Восторг пиитический! — выпалил Кюхельбекер, размахивая руками, как бы пытаясь изобразить этот восторг и воспарить.

Улыбка Державина была одобрительной.

С первых строк Пушкина он восторженно встрепенулся и даже привстал. Пушкин стоял в двух шагах от Державина, но видел его как в тумане. Упругие строфы улетали конницей в глубь залы. Голова Пушкина была слегка откинута. Голос звенел. Дойдя до упоминания державинского имени, он зазвенел на самых высоких нотах. Дальше Пушкин себя уже не помнил.

Ошеломленный зал замер. Замер и Державин. От восторга он помолодел лет на пятнадцать. А Пушкин куда-то исчез. Его искали, но не нашли.

За праздничным ужином министр Разумовский намекнул отцу Пушкина Сергею Львовичу о возможной карьере питомца. И пожелал Александру прославиться прозой, а не стихами.

«Оставьте его для поэзии! — с жаром включился в разговор седой классик. — Это будет второй Державин. Я ему лиру передаю! Теперь и умереть можно».

«ПОКА НЕ ТРЕБУЕТ ПОЭТА...»

Последние месяцы перед выпуском Пушкину не терпелось расстаться с Лицеем. Он рвался в высший свет.

У лицейстов был выбор, куда определяться — в армию или в гражданские чиновники. Одно время Пушкин даже хотел стать гусаром, но отец отговорил.

И Пушкину пришлось поступать на службу — в министерство иностранных дел. Он еще назывался Коллегией. Служба не очень тяготила поэта.

Большинство дворянских юношей служили только ради своего карьерного продвижения от класса к классу. А получив какой-нибудь более высокий чин, сразу же уходили в отставку.

Пушкин был исключением лишь в одном смысле. Он был поэт и верил в свое предназначение.

Эту веру разделяли близкие друзья, а после державинского восхищения признание ширилось. Теперь у Пушкина был и свой литературный круг. У него появились литературные соратники. Члены кружка «Арзамас». Враждующий лагерь — «Беседа любителей русского слова» во главе с адмиралом Шишковым — тоже заметил Пушкина.

В вину поэту поставили блеск и легкость языка. В нем видели непочтительного и дерзкого подростка. Он слишком европеец. Слишком несерьезен и поверхностен.

ПОЭТ

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.*

*Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...*

Эти мнения Пушкин и не пытался опровергать. Зачем? Он и вправду жажден до удовольствий жизни: пирушки за полночь, балы, вновь пирушки с гусарами и цыганами. Он влюбляется чуть ли не в каждое хорошенькое личико, он щедр на эпиграммы. Служба его почти не занимает. Гораздо важнее другая, единственная, подлинная для него служба — поэзия.

Авторитет Пушкина рос. Крепло его перо. Настоящую славу принесла ему поэма-сказка «Руслан и Людмила». Ее заучивают наизусть, ею возмущаются. Одни находили, что для сказки язык ее чересчур современен, другие — наоборот: зачем все эти Баяны, Ратмиры и Фарлафы?..

Пушкин только посмеивался. В «Руслане» он многого достиг. Его свобода, его шалости были от избытка поэтических сил. Да и вся его жизнь могла пройти под знаком этого избытка. Не стоит осуждать наших предков,

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт, друг Пушкина. Философ, критик, публицист И.В. Киреевский писал, что Пушкина, Дельвига и Баратынского соединяла самая искренняя дружба.

Пушкин едва ли не первым оценил редкостный поэтический дар Е.А. Баратынского.

С Пушкиным его познакомил А.А. Дельвиг, и Евгений Абрамович быстро вошел в ближайшее окружение поэта. Пушкин звал своего друга в Михайловское, читал ему наедине «Бориса Годунова», с ним совершал тризну по А.А. Дельвигу, пригласил его на «мальчишник» накануне своей свадьбы в Москве. После смерти Дельвига Пушкин сам назвал Баратынского в числе немногих наиболее близких людей, оставшихся тогда в живых. В декабре 1825 г. Е.А. Баратынский писал А.С. Пушкину: «Благодарю тебя за письмо, милый Пушкин: оно меня очень обрадовало, ибо я очень дорожу твоим воспоминанием...»

Е.А. Баратынский умер внезапно 29 июня 1844 г. в Неаполе, похоронен в Александро-Невской лавре.

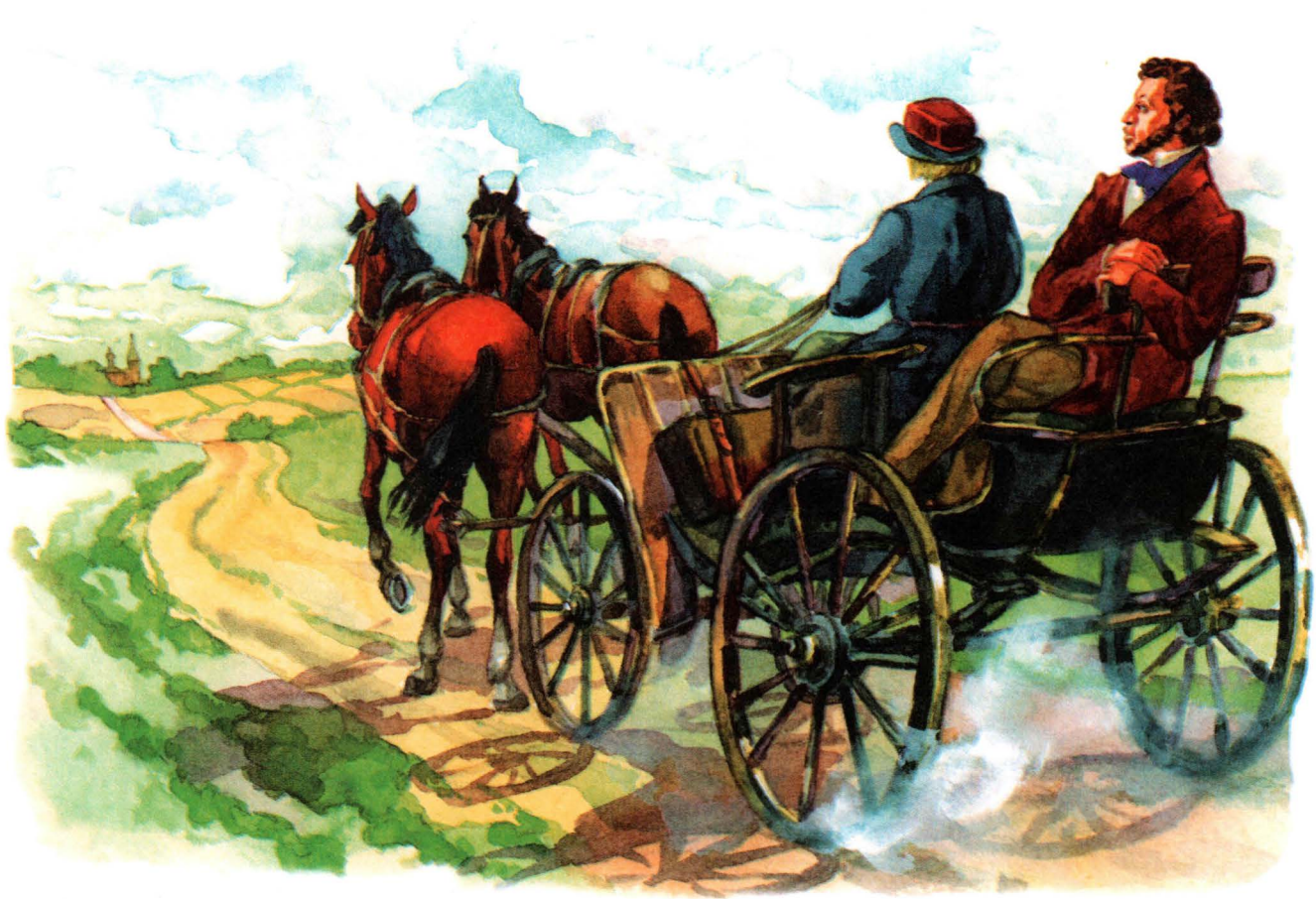
якобы «непонимающих гения». Для них он был остроумный повеса, картежник, дуэлянт, короче — грешник, открыто нарушающий христианские заповеди.

Будем справедливы: все то, что в Пушкине видели его недруги, тоже было. Загадкой остается, как же это все в нем соединилось? В чем тайна его гармонии?

А слава уже стала ходить за Пушкиным по пятам. Но ведь за нее надо платить! Ходившие по рукам в списках ода «Вольность» и стихотворение «Деревня» стали известны полиции. И — как следствие — царю. Сгустились новые тучи... В оде «Вольность» есть такие строки:

*Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.*

Обращено к Наполеону, но стихи на то и стихи: слово в них укрупнено, а адресат забывается. Ненависть к царю — это можно оправдать юношеской горячностью, но видеть смерть детей с жестокой радостью?..

К чести Пушкина, меру своих прегрешений он знал.

Потом, через десять лет он с грустью сознается:

*И с отвращением читая жизнь свою,
я трепещу и проклиная,
и горько жалею, и горько слезы лью...
но строк печальных не смываю, —* заканчивает он.

Пушкин готов принять свою жизнь целиком, какая бы она ни была, и плату за эту жизнь готов принять тоже. Не в этом ли и состоит мудрость Пушкина?..

Когда авторство стихотворения выявили, Пушкин был вызван к петер-

бургскому генерал-губернатору Милорадовичу. Грозил Сибирь. Или же Соловки.

Милорадович объявил, что вынужден отдать приказ об обыске в пушкинской квартире.

— Пустое, — покачал головой Пушкин, — я все сжег.

— Эх вы скоро! Так ли уж и все?

— Все, что вас интересует. Но, ежели найдутся перо и несколько чистых листов, я обещаю воспроизвести сожженное. Слово в слово.

Милорадович распорядился. Примерно через час он уже перечитывал «страшные» листки. Симпатии его к Пушкину были заметны. Смел, дерзок, но ведь не преступник же!

И Милорадович рискнул просить за Пушкина. Заступились и Карамзин с Жуковским.

Ура! Вместо Сибири, вместо мхов и валунов — юг! Екатеринослав (сей-

час Днепропетровск). Под опеку генерала Инзова, наместника южных губерний.

На радостях Пушкин по приезде перекупался в Днепре и заболел. Началась сильнейшая лихорадка. Он слег в первый же вечер. Обстановка в лагере была почти тюремная: грубый стол, печка, лежак, потолок провисает...

С трудом прочитал две-три молитвы. Чуть полегчало. Вспомнил Лидей, Дельвига, лебедей на зеленоватом пруду. Пушкин забылся...

Что за чудо? Который час? Яркое солнце, значит, полдень?

Энергия исходила от узколицего человека. Он улыбался таинственно, как заговорщик. Пушкин привскочил:

— Александр! Раевский!

Он не ошибся: перед ним сидел недавний петербургский друг. Это было чудо! И спасение. Семья Раевских ехала лечиться на Кавказ. Отец, герой 1812-го года и тоже генерал, договорился с Инзовым, и вот они уже едут вместе. Пушкин на правах сына. Свежие украинские степи излечивают его лучше всяких докторов. Они едут в двух каретах: генерал, сын Александр, две дочери и Пушкин. Цель их путешествия — Минеральные Воды, целебные источники.

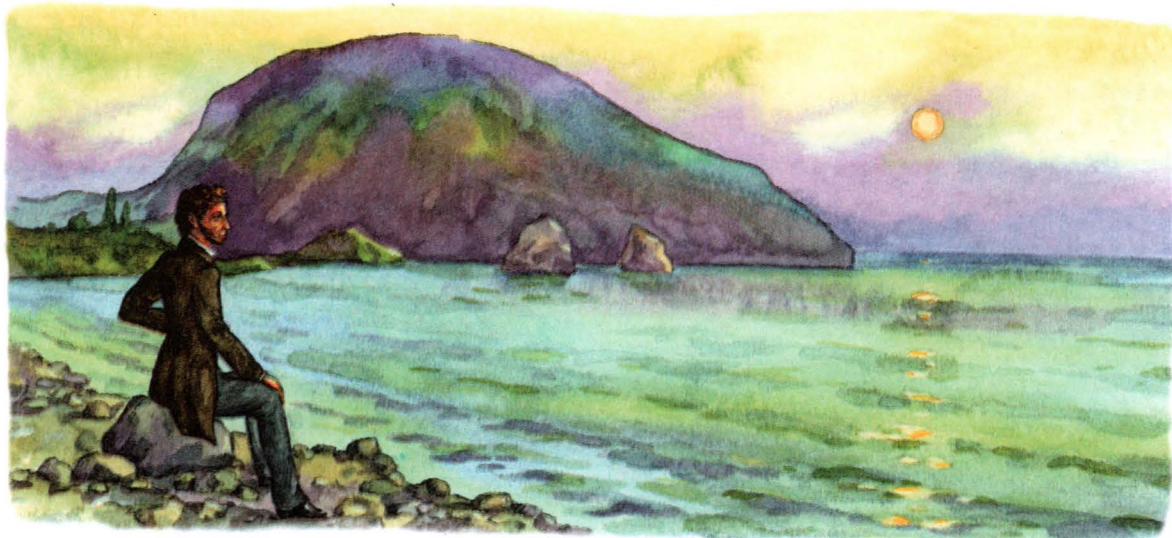
«Я ПОЛЮБИЛ...»

Боже, как велика Россия! В степях Пушкин впервые видит калмыков, их детские лица; орлов, которые садятся отдыхать на дорожные столбы; белоснежные горы, целый горный хоровод, все ближе и ближе... Два месяца проживет он в этих диких местах и ни разу не заскучает по толчее столицы, по бледному северному небу.

На обратном пути свернули к азовскому берегу. Сразу за Таганрогом ослепили барашки волн. Сестры выпрыгнули из кареты. Они заигрывали с прибоем, смеялись и кричали, если замачивался край платья. Кусая губы, Пушкин шел на некотором расстоянии. Он уже был влюблен в младшую — в Марию. Стихи обязательно будут, море стихов... Он щурился, дулся. И все-таки был счастлив. Никогда еще не был он счастлив так беспричинно, так свободно.

*Я полюбил — и сны молодые
Слетели с изумленных вежд,
С тех пор исчезли дни златые,
С тех пор не ведаю надежд...*

*О, милый друг, когда б ты знала,
Когда бы видела черты
Неотразимой красоты...*

Азовским берегом добрались до Керчи, а там уж другое море, Черное. Почти океан! Пересели на корабль. Еще на три недели Пушкин был приглашен пожить с Раевскими в Гурзуфе. Еще три недели домашнего тепла, так непохожего на его одинокое детство.

...Стемнело. Солнце в этих краях быстро садится за холмы. Резко выросли невысокие скалы. Бухта за бухтой. Горизонт покрылся туманом. Пушкин возбужденно переходил от борта к борту. Первая строка точно бы вылилась сама собой: «Погасло дневное светило...»

Вслед ей спешила другая: «На море синее вечерний пал туман...»

«Вечерний пал туман...» — он не успевал повторить, покатав на языке. Строки накатывались как волны, еще и еще. Их надо было сдерживать. И вдруг выплеснулось:

*Шуми, ш-шуми, послуш-шное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрю-умый океан!*

Ключевые слова и для стихов, и для всей прежней жизни.

Эти сорок строк Пушкин назвал «Элегия». В переводе с греческого — «жалоба». Но «жалоба» такой насыщенной силы, какой еще не было.

Обманчивое название «Элегия». Но другого-то нет...

Так, словно бы в насмешку, «Вольность» обернулась неволей.

Но ссылка — не тюрьма: Пушкин жил свободно, хотя и под надзором.

Ходил обедать в лучший ресторан, завел новые знакомства. Как-то целую неделю кочевал с цыганским табором. А еще он обожал балы и не упускал случая себя испытать.

Однажды в городском собрании Пушкина вызвал на дуэль полковник Семен Старов. Бал был самый обычный. Такие давались не реже двух раз в неделю... Прямо в бальной зале располагался зеленый стол, на котором крутили рулетку. Были и другие столы. Публики много: офицеры, высшая городская знать, чиновники.

Старова знал весь город. Он держался как и подобает герою Бородинской битвы и покорителю Парижа. Невысокий, плотный, характер резкий. Он был насмешлив.

Известен всему Кишиневу был и Пушкин. Знали его красную расшитую рубашку, в которой поэт расхаживал по базарам. Дивились длинным ногтям.

Внушали уважение столичные манеры и железная палка вместо трости. Словом, Пушкин очень скоро стал достопримечательностью. Конечно, у него появились завистники и враги, но Старов к ним не принадлежал.

А было так. Порядок танцев обычно кто-нибудь заказывал. Это мог сделать каждый, по очереди. Обойти очередь музыканты разрешали. Кого чаще видели, тому и разрешали.

В тот вечер заказывал Пушкин. Он договорился с друзьями, что начнется бал с мазурки.

Вдруг один пехотный офицер, явно новенький, приказывает оркестрантам: «Ка-а-дриль!»

Дирижер немного растерялся. Не обращившись на кричавшего, Пушкин объявил уже всему залу: «Мазурка!»

«Кадриль!» — с нажимом повторил офицер. — Играй кадриль!»

Пушкин расхохотался. Все смолкли, и на этом фоне последнее слово осталось за Пушкиным: «Начинайте, господа, мазурку».

Музыканты облегченно вздохнули. Офицера они не знали. К Пушкину, напротив, все уже привыкли.

Офицер оказался робким. Он опустил голову, пряча невольно сжавшиеся кулаки.

— Что это с вами?! — вспыхнул сидевший рядом Старов. — Немедленно требуйте у Пушкина извинений!

— Да я их и не знаю вовсе, как же-с потребовать?..

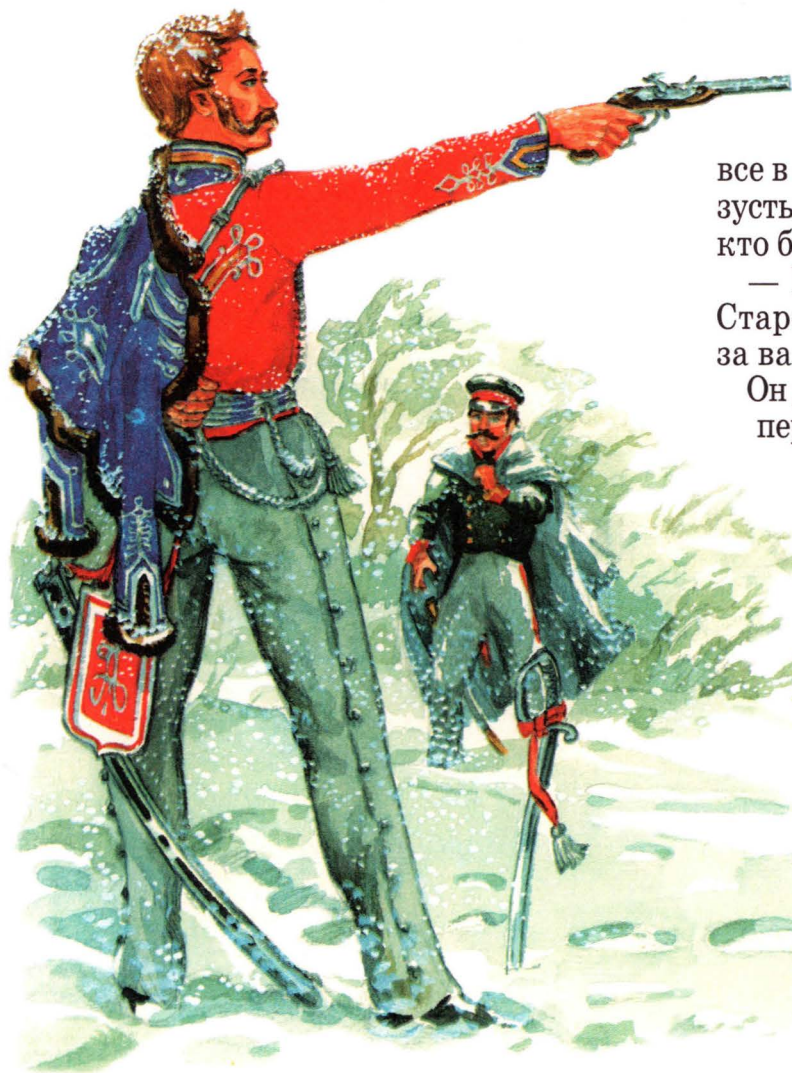
— Не знаете?! — Старов презрительно сощурился. Почти все в его полку читали Пушкина наизусть и друг перед другом хвалились — кто больше.

— Не знаете, — еще раз утвердил Старов, — и не трудитесь. Я пойду за вас.

Он дождался паузы в мазурке и вырос перед Пушкиным как из-под земли.

— Вы совершили невежливость, — Старов едва удерживался от гнева, — и, если не хотите иметь дело со мной, совету извиниться...

Он не договорил. Голубые глаза Пушкина сияли восхищением.

— Истинный Бог! — Пушкин поджал пальцы с ухоженными длинными ногтями. — Неведомо, в чем я там провинился, но иметь дело с вами, полковник... я счастлив...

— Завтра в девять, — отчеканил Старов. И место назвал.

Пушкин не возражал. И они разъехались. Стоял декабрь. Сыпал приятный снежок. На русском юге в это время года он тоже бывает.

Сразу после бала Пушкин с двумя секундантами отправился к другому полковнику, своему близкому приятелю Липранди. У него слава опытного дуэлянта. Поговаривали, что он отчасти колдун. Почти все предсказания Липранди сбывались.

— Браво! — приветствовал Липранди запорошенного снегом Пушкина и приказал подать чаю с ромом. — Поздравляю. Старов — достойный противник. Лучшего вы бы не нашли. Человек порядочный во всех отношениях.

...Секунданты сообща отмерили шестнадцать шагов. Зарядили по одной пуле в каждый из пистолетов. Кинули жребий, кому начинать. Монета вошла в снег ребром. Вдруг снежинки как с цепи сорвались. Ударил вихрь. И понеслось! Рукой заслонишься, а глаз не открыть. Снег острый как иголки.

Пришлось монету вновь подкидывать. Выпало Старову. Ветер крутился и мешал прицелу.

— Можно! — закричал один из секундантов.

Паф! Паф! Два пламени сверкнули почти одновременно.

Соперники стояли невредимы. Только Старов потирал левой рукой правое плечо: затекло.

— А может, отложить?

— Отложить, отложить непременно! Не ровен час, господа, вы нас убьете!

И было непонятно, кто это говорит: секунданты-призраки или сама метель.

— Полковник, вы согласны на двенадцать шагов? — весело выкрикнул Пушкин.

— Согласен. Только теперь вам начинать, — напомнил Старов, также не обращая внимания на голоса.

Секунданты покорно зарядили еще по одной пуле.

А метель не утихала. Пушкин сделал два неверных шага. Он едва различал свою прицельную мушку.

И вновь две пули унеслись неведомо куда.

— Хватит, хватит! Да уж и зарядов не осталось! Если так стреляться необходимо, потерпите до следующего разу!

Что ж терпеть, так терпеть. Рукопожатия метель не помешала, спасибо и на том:

— До свидания, Александр Сергеевич!

— До свидания, полковник!

К полудню весь Кишинев обсуждал подробности дуэли. Кто-то злорадствовал. А самые здравые подыскивали способ почетного мира.

Выход нашелся сам собой. Дуэлянты встретятся за обедом. Как бы невзначай. Они и сами ходили обедать в этот лучший кишиневский ресторан.

Оставалось лишь сверить часы, пригодится и бильярд рядом с главным залом. Пушкин — страстный бильярдист. Надо будет ему поднять настроение: пусть выиграет...

Готовились, волновались, а решилось проще простого. Пушкин уложил подряд три шара в три лузы. Отбросил кий, широким жестом распахнул дверь в зал и... чуть не на-

ткнулся на Старова, которому указывали нужный столик.

Они встретились глазами и все поняли в один миг.

— Я принял вызов, оттого что всегда уважал вас издали, — начал Пушкин. У него запершило в горле.

— Но сближение не повредило, не правда ли?

— Если бы не метель...

— Ни слова о метели! — подхватил Старов. — Вы поступили единственно возможно. Теперь же я знаю, что и под пулями вы стоите и пишете... — он совсем по-молодому зарделся, подыскивая точные слова — одинаково вдохновенно. И дай вам бог отныне только писать!

Пушкин порывисто сжал плечи полковника.

«ОПАЛЬНЫЙ ДОМИК»

Высочайшим повелением Пушкина перевели из Кишинева в Одессу. Местный губернатор, граф Воронцов, отличался от генерала Инзова как небо от земли. Он был важный, властный. Настоящий вельможа. Пушкин для него был всего лишь подчиненным. А перед начальством подчиненный обязан трепетать. Но этого-то Пушкин и не умел. Привычек кишиневских менять не собирался. В Одессе он много писал. Не меньше гулял и острел. Дамы на балах его обожали. Сама графиня Воронцова посматривала благосклонно. Граф Пушкина ненавидел, где можно, старался его унижить. В ту пору губерния боролась с саранчой; ее исследовали, посылая чиновников по уездам, где саранчи было особенно много. В одну из таких командировок Воронцов и послал Пушкина. Знал, что Пушкин вспылит или поедет, но ничего не сделает,

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — великий русский историк. Сыграл огромную роль в становлении и развитии Пушкина-писателя и Пушкина-историка. Впервые молодой поэт встретился с Н.М. Карамзиным 25 марта 1816 года в Царскосельском лицее. В 1818 г. бывший лицеист «с жадностью и со вниманием» читал первые восемь томов исследования знаменитого историка «История государства Российского». В связи с книгой Н.М. Карамзина поэт в своих воспоминаниях писал: «Он удостоил меня своим вниманием и часто оспаривал мои мнения».

ибо мало смыслит в саранче. А там можно и в Петербург пожаловаться.

Пушкин же превыше всего ценил свою независимость. Однажды, еще в последний год Лицея, ему пришлось писать посвящение по заказу императрицы, матери Александра I. Пушкин сочинил одним махом. Императрица решила сочинителя наградить. Пушкину послали золотые часы с цепочкой.

В тот же день он эти часы разбил. Разбил нарочно. Зачем?

А чтобы не становиться должником, обязанным отныне писать на всякий важный случай.

Пушкин все же съездил в командировку и написал отчет:

*Саранча
Летела, летела —
И села.
Сидела, сидела —
Все съела
И вновь улетела.*

К этому он прибавил несколько эпиграмм на графа, метких и злых. Но не на бумаге — их передавали из уст в уста. Специально, чтобы Воронцова взбесить. И взбесили. Воронцов написал в столицу, чтобы Пушкина услали из Одессы куда-нибудь подальше.

Своей власти на это не хватало: любая ссылка была решением царя.

Пушкин захандрил. Он догадывался, что ему нигде не позволят жить спокойно, так, чтобы он мог с утра до ночи творить. И он решил бежать... из России. Договориться с каким-нибудь

иностранным торговым кораблем и вырваться из-под ненавистного присмотра. Но серьезно заниматься побегом Пушкин не умел, этому противилась его беспечная натура. Он полагался больше на талант, на везение. На Судьбу, в конце концов. Сомневался ли он в справедливости Божьей? У тогдашних образованных людей это было модно. Но сомнения скрывали. Иначе могли наказать по закону.

Пушкин размышлял на эту тему. И за столом, и в письмах. По приказу Воронцова письма стали перехватывать. И в одном нашли, что Пушкин очень сочувственно относится к безбожникам, сомневается в существовании загробной жизни. Терпение царя кончилось. Он уволил Пушкина со службы и повелел отправить его в другую ссылку. На этот раз в село Михайловское — родовое имение Ганнибалов. Надсмотр возлагался на одного из монахов ближнего монастыря и на отца поэта. Если бы не Сергей Львович, могли отправить и подальше. Не в родительское гнездышко, а на настоящий Север. Если не в Сибирь. Но после вольного юга и Михайловское казалось глушью. Скука, ни балов, ни общества. Только семейство помещицы Осиповой скрашивало однообразие сельских дней и вечеров.

Пушкин постоянно к ним ездил. Отцовская же опека поначалу была такова, что Пушкин просил поменять деревню на заключение в крепости. Но отец был отходчив и вскоре отбыл в Москву. Таким образом просьба стала лишней.

Уединенная жизнь в деревне имела свои прелести. Не надо было ходить на службу, природа успокаивала — писалось легко. Угнетало только, что не по своей воле Пуш-

кин здесь оказался. Да и однообразие занятий может вывести из себя любого.

Именно в Михайловском Пушкин полюбил осень. А там и зиму. Решил закаляться. Принимал ванну со льдом, после сна и после бани бросался в снег совершенно голый: хохотал, приотпывал.

При нем была няня, помнившая его с самого младенчества. Звали ее Арина Родионовна. Она знала множество сказок. Пушкин обожал ее слушать. Он как бы наверстывал недополученное в детстве.

*Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
И вечером при завыванье бури
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лет, но все приятных сердцу...*

Так и длилась его первая михайловская зима. Ледяные купания, долгий завтрак, прогулки, стрельба по убеленным веткам. Потом обед. А вечером вступала в свои права муза поэзии. Он оставался один: перед ним

лежал чистый листок бумаги, гусиное перо и свеча. Или поездка к Осиповым... Ухаживания за одной из трех барышень, дочек помещицы, стихи, посвященные то одной, то другой. Пушкин был влюблен во всех поочередно. И весело, и легко. И скучно...

ПРИЗНАНИЕ

*Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!*

Пушкин ни капельки не изменился с лицейских времен. Он по-прежнему отмечал каждую лицейскую годовщину, хотя сам Лицей теперь представлялся далекой сказкой. Доходили слухи о неких тайных обществах. Если слухи правдивы, то некоторые друзья Пушкина должны бы в них участвовать, но Пушкина никто и нигде не приглашал. В деревне же об этом было не с кем поговорить. Оставалась, правда, переписка. Но после Одессы Пушкин не рисковал доверять письмам самое сокровенное.

И прелести деревенского покоя оборачивались безысходной скукой. Как ее вытерпеть? Только чудом, а чудеса, как известно, дело рук человеческих. Имя одному из них было «Пуцин». Пуцин не видел Пушкина уже почти пять лет. Он мечтал навестить его еще тогда, когда узнал о первой ссылке поэта — в Екатеринослав и Кишинев. Но мешали собственные служебные дела.

Служил Пуцин не формально, а по совести. К 1825 году он уже был судьей Московского Надворного суда. Узнав, что Пушкин в Псковской губернии, придумал себе командировку в Псков. Миновали Рождество, Новый год... Отметив Крещение у родни в Петербурге, Пуцин выехал к сестре в Псков. Дальше в городок Остров. Прихватив там несколько бутылок знаменитого шампанского «Вдова Клико», продолжил путь. Ехали по холмам, по непролазному снегу крутых гор. Повозка была уже у цели, вдруг на ухабе коней занесло вбок, и ямщик выпал из саней. Пуцин успел схватить вожжи.

Еще один подъем — и прямо на вершине крутой горы кони влетели в приотворенные ворота.

Пуцин, жмурясь, обернулся. На крыльце стоял босой, в длинной ночной рубашке, Пушкин. Он ликовал,

протягивая к другу худые руки. Пуцин не помнил, как добежал до крыльца, как по-медвежьи обхватил Пушкина.

Страшного мороза ни тот, ни другой не ощущали. Простудиться они не могли: жар сердец согревал их. Так, обнявшись, они и стояли на крыльце.

Прибежавшая няня застала друзей уже в комнате. Пушкин все еще в ночной рубашке, Пуцин был в шубе. Они и смеялись, и плакали. Няня, ни разу не видевшая Пуцина, тоже бросилась его обнимать. Растроганный Пуцин чуть было ее не задушил...

Встреча началась суматошно. Они забрасывали друг дружку вопросами, не ожидая ответов. Пушкин все еще не мог поверить, что перед ним Иван Пуцин. Жанно, как его называли в Ли-

щее, отметил в Пушкине чуть больше собранности и серьезности, увидел бакенбарды, но живость и веселость прежние.

Пушкин так и не узнал, кто виновник его перевода в деревню. Какая причина? Может, ревность Воронцова? Но о недавней шумной жизни уже не жалел. А что говорят о нем в Москве и Петербурге?

Правда ли, что император нашел его фамилию в рапорте и страшно испугался?

— Что это за рапорт? — насторожился Жанно.

— Рапорт коменданта о приезжих в сто-

лицу. Но то был, к счастью не я, а Левушка, брат.

Жанно заверил друга, что политической фигурой он не станет, а вот стихи его читают по всем губерниям. И ждут новых.

Тема «тайных обществ» Пушкина не отпускала. И в Петербурге, и в Одессе он догадывался, что некоторые собеседники что-то знают, но не доверяют ему. Это угнетало. Разве он не свой? Разве не умеет слово держать? Разве не жаждет послужить Отечеству?

— Да, — сознался наконец Пущин, — это новое служение Отечеству действует. И многие вошли в общество, кого и ты знаешь.

— И ты?

— И я.

Радость Пушкина была детской, бурной. Но большего Жанно так и не

раскрыл, просто опасаясь за самого же Пушкина. Пушкин приуныл... Обидно, но не за себя. По этим опасениям он понял, что у заговорщиков нет веры в свою победу. И единодушия нет: имеют ли право изменить судьбу Отечества, готово ли оно к переменам.

Значит, нечего и ждать успеха. Значит, сегодняшняя встреча может оказаться последней...

Пуштин развеселил друга новой комедией «Горе от ума». Имя автора — Грибоедов — Пушкину ничего не говорило, но пьеса понравилась.

В разгар чтения вошел монах, представленный наблюдать за Пушкиным. Все притихли. Но монах, выпив чаю с ромом, извинился и, пожелав друзьям счастливого свидания, уехал обратно. То ли ром подействовал, то ли фамилия Пуштин. Монаху она была знакома. Действительно, был такой генерал Николай Пуштин в Кишиневе. Забавные бывают совпадения...

Прощались за полночь. Наговориться так и не удалось. Хлопнула последняя, третья пробка «Вдовы Клико». Догорала толстая свеча. Настольные часы пробили три раза. Звук был какой-то отсчитывающий. В ту же секунду и колокольцы брякнули. Ямщик вошел как-то виновато. Лихо чокнулись стаканами, но что-то печальное повисло в воздухе. Няня смотрела то на одного, то на другого, покашливал ямщик.

Пушкин еще пытался рассмешить всех, набрасывая на Жанно шубу. Но тот уже не слышал. Он почти убежал. Оказалось, выдержать расставание гораздо тяжелее, чем не видаться вовсе.

Уже из саней Пуштин обернулся. Поэт стоял на крыльце со свечой. Неверное пламя металось. Но не гасло.

Почудилось, что и другой Пушкин, в длинной ночной рубаше и воздетыми руками, теснится на том же крыльце.

Пуштин отогнал видение. В горле давило. Рванулись под гору кони. Пуштин едва не вылетел из саней.

«Прощай, друг!» — сильный пушкинский голос прорезал ночь. С веток немедленно посыпался снег. И опять покой, сугробы, вечность.

И.И. ПУЩИНУ

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

Но, может, вечность не так и страшна?

Может, и не далек тот день, когда прервется череда ссылок? Может, эта — последняя?

Пуцин Иван Иванович (1798—1859) происходил из родовитой дворянской семьи, отдаленные предки которой были в родстве с Пушкаными. С лицейской скамьи Пуцин был одним из самых близких друзей Пушкина. Он первым из его друзей посетил 11 января 1825 г. в Михайловском опального поэта. Пушкин умер с его именем на устах, сказав: «Как жаль, что нет здесь ни Пуцина, ни Малиновского: мне бы легче было умирать».

В Лицее Пуцин учился успешно и окончил его с чином офицера гвардии и с правом на серебряную медаль. Товарищ по Лицею граф М.А. Корф писал о нем: «Он сделался одним из самых деятельных участников заговора, вспыхнувшего 14 декабря 1825 г., и с этим погибла вся его будущность». И.И. Пуцина приговорили к смертной казни, замененной 20 годами каторги и затем вечным поселением в Сибири. Был амнистирован в 1856 г., встречался с Н.Н. Пушкиной-Ланской, написал «Записки о Пушкине». И.И. Пуцин умер 30 апреля 1859 г.

ПУШКИН И НИКОЛАЙ I

Как-то в середине декабря, под вечер, сидели все в зале у Осиповых. Пушкин стоял у печки, грел руки. Вдруг вбежала озабоченная девушка из дворни с сообщением: повара посылали с яблоками в Петербург, а тот с ними же и вернулся. Не продал ничего и ничего не купил взамен: ни сахара, ни чаю, ни вина. Вернее, яблоки он продал по пути, а в Петербург не пустили. Вернулся перепуганный: всюду, оказывается, караулы солдат, кого-то ищут. А в самом Петербурге бунт.

Осипова-старшая взглянула на Пушкина. Лицо его резко побледнело. На расспросы отвечал невнятно. Знает ли он, предполагает ли что?

Пожал плечами. Вероятно, тайные общества... Впрочем, это все пустое. Извинился и ушел спать раньше обычного. Комната для Пушкина всегда была.

Наутро очень быстро собрался и уехал. Часу не прошло — вернулся... Отчего же не поехал домой в Михайловское?

Заяц. Заяц-беляк трижды дорогу перебежал. Нельзя дальше ехать, только с разворотом и заново. Да еще священник попался навстречу. Если первый встречный с утра батюшка или монах, то не к добру. Приметы Пушкин принимал очень близко к сердцу.

Позднее сознался, что главной причиной возврата были не сами приметы, а то, что не домой ехал. Куда же?

— В Петербург.

— Батюшки! Даль-то какая! А заставы? Караулы? Ведь не пускают!

— Ничего. Удалось бы. Да вот заяц в паре с духовным лицом все спутал.

... Но скоро и в Михайловское с Тригорским проникли слухи об арестах среди друзей-бунтовщиков. И желания у Пушкина сломя голову лететь в столицу больше не появлялось.

Миновало еще полгода. Сухое лето выдалось. А так в деревне все привычно. Бунт никак на ней не отразился.

И мало кто знал о приезде в Псковскую губернию секретного агента самого царя. Агент и его фельдъегерь были обязаны разведать следы подготовки бунта среди крестьян. Якобы этот деревенский бунт подготавливал Пушкин.

К великому сожалению агента, бунт в деревне оказался липой. И тогда царь просто пригласил Пушкина для беседы.

Новый царь, Николай I — младший брат покойного Александра I.

Александр умер в Таганроге, на Азове. Неподалеку от мест, где Пушкин проезжал с Раевским шесть лет назад. Причина смерти — горячка после сильной простуды, но внезапная кончина царя или наследника престола всегда рождает слухи, легенды и обязательно самозванцев. Поговаривали, будто похоронен кто-то другой, а государь скрывается под видом простого мужика.

Пушкин надеялся, что новый император отменит ссылку, и слал в Петербург письмо за письмом. Про секретного агента он тоже не знал.

Агент честно выполнил свою миссию и был отозван. А фельдъегерь

получил задание привезти Пушкина. И немедленно. Полчаса на сборы!

Пушкин даже бумаги проверить не успел. Тем более уничтожить. Он только шинель накинул. Ах да, деньги чуть не забыл.

С отъездом любимого барина Арина Родионовна с бумагами хозяйничать не стала. Не прятала, не ворошила. Хотя об опасности догадывалась. Она лишь выкинула головку лимбургского сыра. Сыр тонкий и весьма пахучий. Его и посчитала няня самой главной уликой пушкинской неблагонадежности...

А вызван Пушкин был не в Петербург, а в Москву. Москва! Пятнадцать лет он ее не видел. С отъезда в Лицей. Оказывается, он любил Москву всегда. Любил, думал о ней, воображал ее.

Вот и Кремль. Большой дворец. Парадная лестница.

Пушкин ждал государя, разглядывая лепнину потолков. Длинные ногти начинали мешать. Хорошо, что успел сегодня с утра пройтись по ним пилочкой.

Николай вошел беззвучно. Высокий, огромный. Голубые глаза чуть нависают. А что в них — усмешка? Ободрение? Про такие говорят: с поволокой...

Пушкин отогнал ненужную сейчас наблюдательность. Он готов был услышать от Николая первый вопрос. Он даже точно знал — о чем. Николай молчал, словно бы догадываясь, что этот вопрос Пушкина врасплох не застанет.

Напряжение усиливалось. Потолок казался слегка затененным. Не тени ли пяти повешенных декабристов?

— Ну-с, братец, — не выдержал Николай, — а что бы ты делал 14 декабря, окажись в Петербурге?

— Был бы на Сенатской, государь.

— С бунтовщиками?

— Разумеется. Среди них мои друзья.

— Bravo! Честный ответ. А их идеи по сердцу тебе?

Неловкость Пушкина исчезла. Ему почудилось, что настал момент направить волю нового самодержца на добро. Конечно, насилие — большой грех, насилием добиться ничего нельзя. Падшие должны быть наказаны, но и наказание не всесильно. Исправлять пороки Отечества можно лишь в согласии с властью. И он, скромный литератор, горд, что государь разговаривает с ним как с равным. У него, Пушкина, огромные надежды на новое царствование. И, хотя есть и более неотложные дела, не разрешат ли и ему, Пушкину, переменить место пребывания? Попросту, не отменят ли ссылку?

— Знаю, знаю! Читал твои прошения. А ну как разрешу, дашь ли обещание перемениться сам?

Николай намекал на пушкинскую озорную славу.

Пушкин потупился. Связывать себя словом он не хотел. Во-первых, слово для него свято. Во-вторых, свобода выше торга. Но вслух всего не скажешь.

Пушкин продолжал уклончиво излагать свои мысли и надежды. Пожаловался на цензуру.

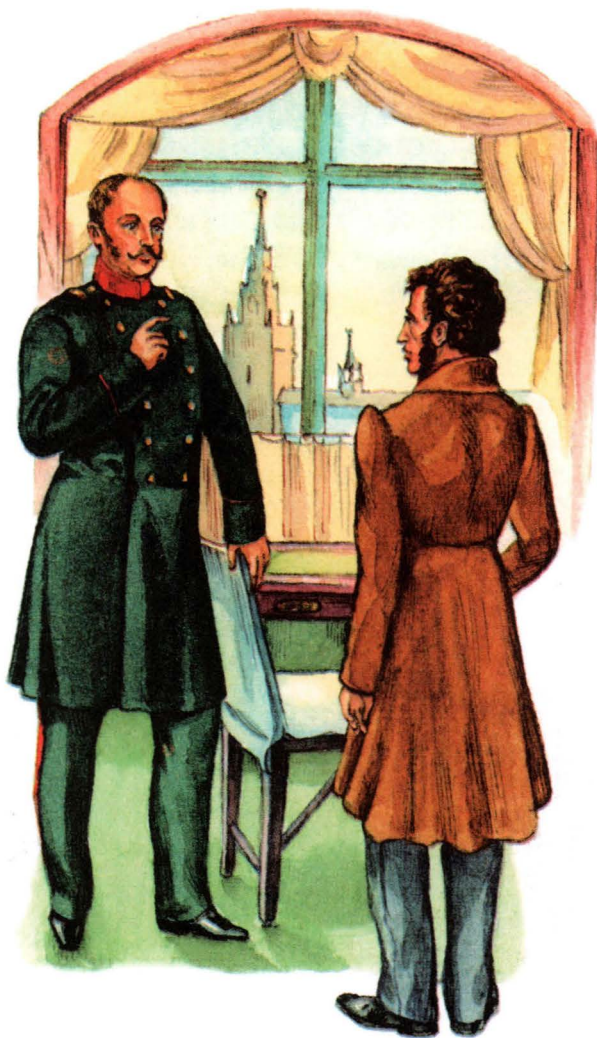
— Беда с цензурой, — вздохнул Николай, — но отменить не могу. Нравственность оберегать надо. Что, если я стану твоим цензором? Личным.

Пушкин согласился. Да, ему необходимо исправляться. Как и любому христианину. Слова царя убедительны, просты, весомы. Еще он, Пушкин, смеет просить о смягчении участи некоторых друзей, осужденных по делу декабристов.

Имена Пущина и Кюхельбекера он не успел назвать.

— Нет ли чего-нибудь уже сейчас, — досадливо перебил царь, — с чем возникли трудности цензурные? Может, поэма?

— Поэмы не с собой. Если изволите, я пришлю из Михайловского.

— Опять сказка? Или историческое? Государь был неплохо осведомлено пушкинском творчестве.

— «Борис Годунов». Из Смутного времени.

— А-а... — уважительно протянул Николай, — это интересно. Неплохо, неплохо. Ну, предвкушаю!

— Трагедия. — Зачем-то поставил Пушкин точку.

— Зачем трагедия? — искренне удивился Николай. — Не пора ли оставить трагедии для низкой жизни? Они ведь неизбежны. Искусству следует смотреть выше. Ну и воспитание не забывать, а?

— Трагедия из жанров прекрасного самый благородный. Я не смею утверждать, что достиг в нем великих образцов...

— Достигнешь. С Божьей помощью. И с нашей.

Николай протянул руку, обозначая конец свидания. Ладонь была слегка потной и вялой. И не очень большой, несоразмерной с крупной фигурой и военной выправкой. Очевидно, Пушкин сжал эту ладонь жестче необходимого. Слишком искренне. Николай болезненно сморщился, и одна бровь чуть поднялась.

— Ох уж эти поэты!

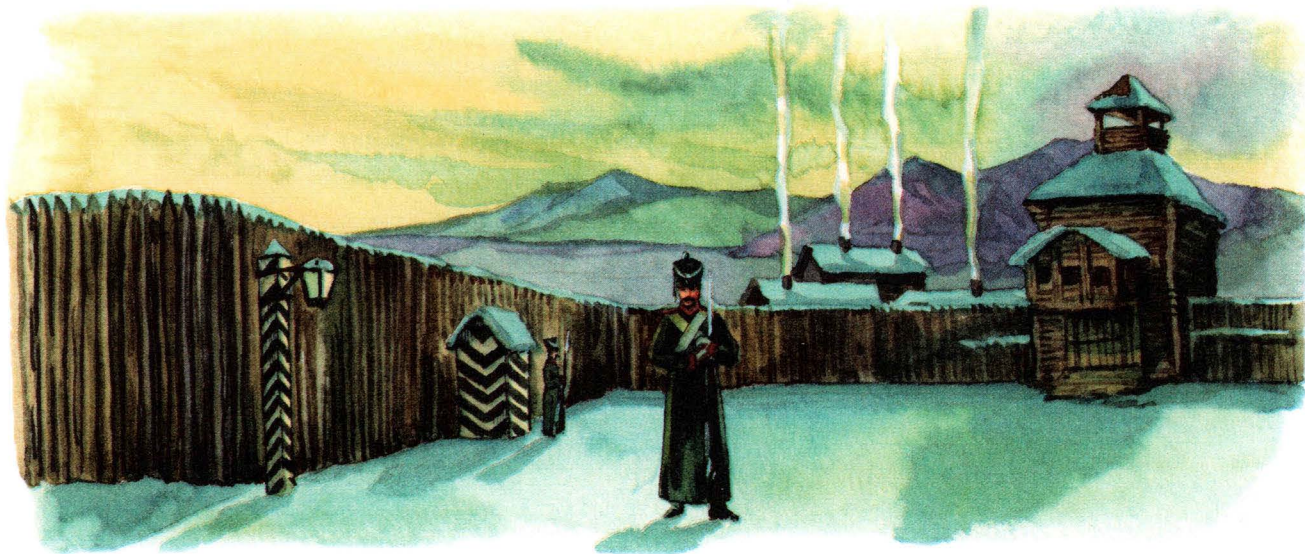
НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА

Худшие опасения подтвердились. Он мог теперь жить где угодно, но свобода так и не наступила. Обо всех поездках Пушкин был обязан извещать шефа жандармов Бенкендорфа. За Пушкиным шпионили. Докладывали даже обо всех его приездах в Москву. Где останавливался, в каких домах принимали, что читал вслух — новые стихи? Старые? Нет ли сочувствия опальным декабристам?

Царь сдержал слово. Теперь он стал первым читателем Пушкина. Первым цензором. Но не единственным. Министр просвещения граф Уваров добился права стать вторым и окончательным. Что же изменилось по сравнению с эпохой Александра I? Цензуры стало вдвое больше! А значит, и несвободы.

Николай одобрил «Бориса Годунова». Но предложил переделать в роман. Это было равносильно запрету. И выглядело насмешкой. Ведь Пушкин вовсе не просил совета. Он сам знал и чувствовал, что ему нужно. Он готов был признать над своей Музой только власть небес, и ничью другую.

Одно время после разгрома декабристов Пушкин искренне верил, что царь желает блага своему народу.

Что место царя в России священо. Что народ не примет новых европейских порядков. Он хотел бы видеть в Николае нового Петра I. Хотел бы, но вскоре разочаровался. И все-таки не мог считать многих своих прежних друзей полностью правыми. Изменить же старой дружбе было еще страшней.

Пушкин передает с Марией Волконской, которая уезжала к мужу в ссылку, стихи — опасные для него самого.

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...*

Нерчинские рудники, где томился Волконский с товарищами, — это не его, Пушкина, прогулочная высылка на юг. Это навек, с лишением всех прав и привилегий не только заключенных, но и их жен. Одиннадцать жен последовали за мужьями, и Мария Волконская — та самая дочь генерала Раевского, которая убегала на азовском берегу от прибоя и которой Пушкин любовался шесть лет назад, в 1820-м.

Жизнь требовала подчинения ее простым законам.

Все чаще задумывался Пушкин о семейном уюте. Близится тридцатилетие. Он хотел бы остепениться. Жить как обыкновенный помещик. И заниматься только литературой. Это были новые и странные для него мечты.

Он мечтал о том, что большинству людей дается даром. О чем они почти не задумываются.

Даром же Пушкину была дана лишь гениальность. Простые, обыкновенные радости приходилось зарабатывать.

Разве это справедливо?

А справедливо было все земные и небесные дары собрать в одном человеке?

Гончарова Наталья Николаевна (1812—1863) родилась 27 августа 1812 г. в имении Полотняный Завод в Калужской губернии. Впервые Пушкин увидел ее на балу у танцмейстера Йогеля, на Тверском бульваре, зимой 1828/29 гг. Через два года первая красавица Москвы стала женой Пушкина.

О том, как Пушкин любил ее, свидетельствуют его письма. В одном из них он писал: «Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу». За шесть лет совместной жизни Наталья Николаевна родила четверых детей. Александр Сергеевич очень дорожил семейным благополучием и спокойствием, проявлял особую заботу о детях.

Наталья Николаевна берегла рукописи А.С. Пушкина, позже их хранителем стал старший сын Александр Александрович, который передал их в Московский Румянцевский музей (ныне — Российская государственная библиотека).

Н.Н. Пушкина-Ланская похоронена на кладбище Александро-Невской лавры.

На одном из зимних балов 1828 года в Москве Пушкин танцевал с 16-летней Натальей Гончаровой. Он танцевал с ней целых три раза, что было уже неприлично. Пушкин глаз от нее не мог отвести. Его не смущало, что Наталья Николаевна выше его ростом... Тринадцать лет разницы в возрасте тоже ничего не решали. Пушкин влюбился. В который раз — он бы и сам не смог считать. Но здесь — хотелось надеяться — Судьба. Мало назвать Наталью Николаевну красивой. Угадывались и доброта, и мягкость нрава. Обидчивость и... легкомыслие. Когда она опустила глаза, лицо продолжало светиться.

Пушкин готов был тотчас сделать предложение, но возраст будущей невесты этого не позволял. Ждать пришлось почти год. Встречи на балах были нечасты. После первого порыва Пушкин оценил свои шансы спокойнее, но отступать не хотел.

Во-первых, прежняя репутация человека, который был не в ладах с высшим светом. Во-вторых, он под негласным наблюдением полиции. Одно это могло бы до смерти напугать невестину родню. К тому же у Натальи Николаевны вряд ли было богатое приданое, да и у Пушкина с деньгами непросто. Он зарабатывал печатанием стихов и статей в журналах, а хватит ли этого на содержание семьи? До сих пор он и себя-то едва содержал, постоянно влезая в долги.

Он получил отказ на свое предложение руки и сердца. Его объявила мать Натальи Николаевны, еще совсем не старая вдова. Пушкин ей не нравился и внешне. Известный или великий он поэт, что это могло означать, она не понимала. Еще меньше осознавала это семнадцатилетняя барышня.

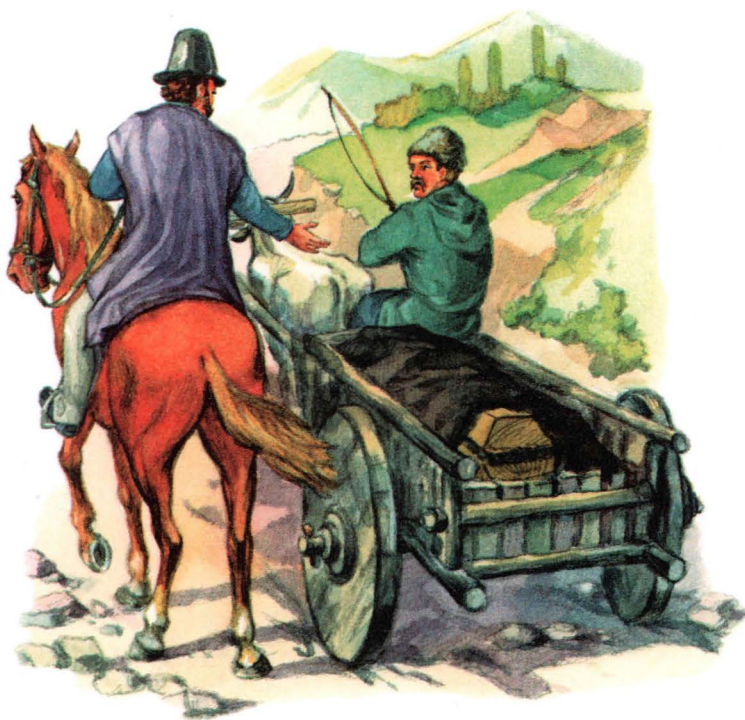
Пушкин воспринял отказ очень болезненно. Жизнь не выстраивалась. У него известность, даже слава, но

в обыденной жизни он терпит провал. Будто весь его путь поставлен под сомнение.

Чтобы как-то развеяться, Пушкин, не предупредив Бенкендорфа, едет на Кавказ. На Кавказе шла война с Турцией. Некоторые друзья из декабристов сосланы были не в Сибирь, а в действующую армию. Их тоже хотелось повидать.

В то время войска занимали часть турецкой территории. Так Пушкин впервые оказался за границей, в городе Эрзерум. Кавказ оживил в нем память о поездке с Раевскими, но теперь он увидел и другое. Роскошный Тифлис и его турецкие бани, узкие горные тропы, настороженность Востока и его нищету. И хотя сражения Пушкин не увидел, но дыхание смерти почувствовал.

По дороге в Эрзерум попала ему навстречу арба, запряженная двумя волами. Погонщики — их тоже было двое — тянули что-то заунывное. Пушкин ехал верхом на лошади и увидел сзади арбы еще двоих, которые ее толкали. Пушкин заметил угол обер-

нутаго в черное гроба. Он остановился и снял шляпу.

— Кого везете?

— Грибоеда! — ответили казаки безразлично.

Пушкин вздрогнул. Своего полного тезку, Александра Сергеевича Грибоедова он знал не очень близко. Но еще Пушкин привозил в Михайловское запрещенную тогда комедию «Горе от ума», и он помнил свою радость, свой восхищенный смех. Все-таки это было блаженное время! И вот сейчас одинокий гроб, арба, которая могла и развалиться по дороге. Унылые казаки, жара, чужое небо — страшная смерть и страшные похороны!

Грибоедов служил в Персии послом и был убит толпой фанатиков. В Тифлисе Пушкин знал о Грибоедове, потому что на одном из вечеров видел его юную жену, Нину, грузинскую княжну. Разница в возрасте у Грибоедова с Ниной была еще больше, чем у Пушкина с Натальей Гончаровой, но по всему ощущалось, как любит юная грузинка своего уехавшего супруга, как ждет его.

Эти мысли мгновенно пронеслись в его душе, пока арба не скрылась за поворотом.

Но Грибоедов успел узнать счастье! Узнает ли Пушкин?..

Печально закончилась кавказская поездка. Бенкендорф был взбешен. Он ожидал царского наказания за то, что Пушкин самовольно отправился на Кавказ. Пушкин объяснялся.

Также Пушкин просил в письме прощения у Николая за одну из своих прежних поэм. В поэме «Гавриилиада» иронически обыгрывается рождение Иисуса Христа. За такое кощунство полагалась Сибирь. Но царь смягчился.

Ободренный Пушкин вторично посватался к Гончаровой. На сей раз мать невесты заколебалась. Мешали только репутация жениха и полицейский надзор. Пушкину еще раз вспомнились часы императрицы, которые он лихо разбил о каблук. Делать было нечего. Только царское «добро» на его

брак могло успокоить семейство Гончаровых, и Пушкин это одобрение попросил... Царь дал его, но ему захотелось унижить Пушкина, да побольней. Ответ пришел от Бенкендорфа, в нем утверждалось, что за Пушкиным нет никакого наблюдения. Бенкендорф лгал, а значит, лгал и царь. После этого нельзя было от Николая ожидать ни понимания, ни поддержки.

Вдобавок в письме его наставляли как школьника.

И все-таки весной 1830 года согласие на брак получено. Новые надежды охватили Пушкина: съездить в деревню, уладить хозяйственные дела, заложить или продать часть другого отцовского имения — Болдино, что под Нижним Новгородом.

Поездка в Болдино отложилась до сентября. Поправить дела возможности не было, хозяйство почти в развале. Поскорее хотелось вернуться к невесте. Но в соседних губерниях началась холера, и всюду появились заставы. Пушкин застрял в Болдине больше чем на три месяца. И никогда ему так много, так легко не писалось! Каждый день — стихи, поэмы, наброски, письма... Закончен «Евгений Онегин», уникальный роман в стихах. Будто бы вся жизнь еще и еще раз проносится, никуда не исчезая. Время замерло, как лес перед листопадом. А это и была вечность...

Пушкин с Натальей Николаевной обвенчались в Москве 18 февраля 1831 года. День стоял ясный, не по-зимнему теплый. Вдруг священник схватился за сердце. Он выронил кольца, предназначенные для Пушкина и его невесты, и едва не упал сам. Ропот прошел по церкви. Кое-как обряд был завершен. Осадок же у Пушкина остался: унижение перед царем, падение колец...

В том же году Пушкин с женой окончательно вернулся на невские берега.

ПОД ОПЕКОЙ ЦАРЯ

В сказках свадьбой все заканчивается. Остается героям «жить-поживать да добра наживать». Для Поэта быть сказочным героем и легко, и невозможно. Ведь ему дано такое простое чудо — словами, которые все знают, преобразовать мир. Вносить в мир божественное тепло, гармонию.

И тогда кажется, что все тебе доступно, только пожелай. Первые месяцы Пушкин был счастлив, как никогда. Такое состояние не может длиться бесконечно. Дальше — жизнь. Твоя жизнь, единственная. Требующая порядка и достатка, чтобы не выглядеть белой вороной среди тебе подобных.

С переездом в Петербург это стало особенно ясно. Раньше Пушкин не тяготился светскими развлечениями, потому что был свободен. Теперь же ему хотелось одного — отгородиться от суеты теплом семейного очага и писать, писать...

Странное дело, он хотел... ссылки, но добровольной. И чтобы жена и дети были союзниками в этой ссылке.

Вот это и оказалось невозможной, сказочной

мечтой.
Наталья
Николаевна
была не виновата в своем
желании блистать и привлекать внимание. По возрасту совсем еще девочка, она с нежностью относилась к мужу. Но и ей хотелось быть счастливой по-своему. Уединение ей было не по годам, да и не по нраву. За что же Пушкин ее полюбил? Именно за то, что была она такая, какая есть: юная, наивная, капризная, добрая. «Первая красавица России» — как признавали иностранные послы на придворных балах.

Сам царь заинтересовался ею, и Пушкину было передано высочайшее пожелание почаще видеть Наталью Николаевну при дворе. И не только на обычных балах, но и предназначенных для узкого круга самых высокопоставленных придворных.

Пушкину это не понравилось. Он был обидчив и ревнив по природе. И еще понимал, что привязанность жены если и возникнет, то от привычки, от длительного проживания вместе. Он полагал, что время само расставит все по местам.

Под новый, 1834, год Николай пожелал Пушкина наградить. Награда была своеобразной. Поэту было присвоено придворное звание камер-юнкера. Самое низшее звание. Обычно камер-юнкерство было началом карьеры для блестящих аристократов. И восемнадцать лет — самый подходящий возраст для такого начала. Но Пушкину уже близились 35! Он был признанный поэт и равных себе на поприще литературы не имел. И вот теперь его уравнивали с юнцами, у которых за душой, кроме происхождения, не было ничего. Пушкину пришлось носить одинаковый с ними мундир, и выглядел он в нем нелепо. Над ним посмеивались почти в открытую.

Все это не могло не взбесить Пушкина. Получив известие о «награде», готов был бежать к царю. Спасли друзья. При получении известия они были рядом и чуть ли не силой заставили Пушкина сдерживать свой порыв.

Цель у Николая была простая — сделать Наталью Николаевну украшением своих балов. Меньше всего царь думал о Пушкине. Однако вышло, что и Пушкин был как бы на поводке. Кроме балов, бывали еще многочисленные придворные церемонии.

Нащокин Павел Воинович (1801—1854) — один из ближайших и преданнейших друзей А.С. Пушкина. Нащокин не принадлежал ни аристократии, ни к литературному кругу, но сыграл большую и добрую роль в жизни поэта. Взаимная забота и поддержка была отличительной чертой их дружбы. А.С. Пушкин писал другу: «Мы с женой тебя всякий день поминем». А в письмах Наталье Николаевне писал: «...любит меня один Нащокин».

По этикету Пушкин обязан был на них присутствовать, а тонкостей этикета он не знал и знать не хотел... Несколько раз Пушкин сказывался больным, чтобы только избежать подобных церемоний. Но царь каждый раз справлялся о «болезни» поэта, чуть ли не допросы устраивал.

Наблюдение за Пушкиным усилилось. Он заметил, что письма его к жене распечатываются. Есть ли выход? Отставка?

Отставка была бы желанна. Вряд ли Николай даст на нее согласие, ничего не требуя взамен. Выбора, однако, нет.

И Пушкин подает прошение об отставке. Однако он и не предполагал, насколько это взбесит царя. У Николая отнимали власть. И не над империей — до этого, слава Богу, далеко, — над жалким сочинителем!

Призрак новой опалы навис над Пушкиным. Поэт Жуковский, старший пушкинский товарищ, а также воспитатель царских детей, взял на себя роль дипломата. Прошение пришлось забрать назад. К полному миру это не привело. Да и не могло привести. Каждый был уверен в своей правоте. Самодержец желал власти. Пушкин — свободы. Резких шагов никто не предпринял. Но Пушкин все больше и больше нервничал. Для работы ему были необходимы покой и независимость. Для семьи — к тому времени детей было уже четверо — много денег. А единственным источником дохода оставались стихи, поэмы и статьи. Рачительный помещик из Пушкина не получился. Независимостью и не пахло. О покое оставалось мечтать. Самая глубокая и сильная его поэма «Медный всадник» не одолела царскую цензуру. Она была не под запретом, но и не разрешена к печати. Как ранее «Борис Годунов». А писалось все равно много и постоянно.

Пушкин обратился к царю с новой просьбой. Теперь он писал об отпуске на три-четыре года, чтобы усиленно работать, а заодно и расплатиться с долгами. На то время долги Пушкина составляли около 60 тысяч рублей. (Нам трудно эту сумму представить в рублях сегодняшних. Примерно столько сегодня стоил бы дорогой особняк этажа в два-три.) Двадцать тысяч из шестидесяти Пушкин оставался должен государству. А точнее — лично царю. Николай не делал различия между казной и своим карманом.

Царь ответил уклончиво и жестко. Он предложил выбрать между пребыванием в столице и полной отставкой. Первое означало — никаких поблажек в службе, второе — опалу, немилость и соответственно ухудшение литературных дел. О поездке за границу после самовольной «отлучки» на Кавказ и речи быть не могло.

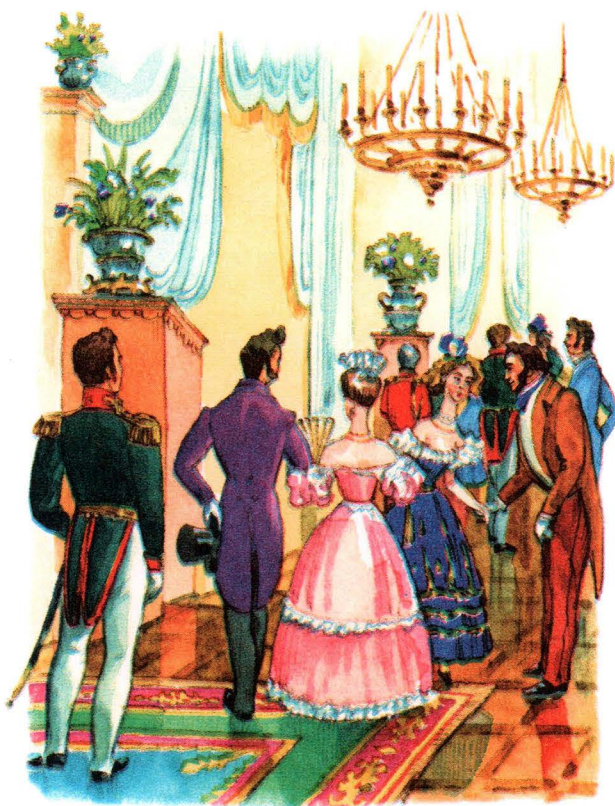
Пушкин оказался в тупике.

*Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память и любовь в пучины
бесконечны, —*

*Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет
предрассуждений.
Где мысль одна плывет в небесной
чистоте.*

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Почти одновременно с пожалованием Пушкину звания камер-юнкера произошло еще одно событие. Юный француз Жорж Дантес был принят в императорскую гвардию. Чужестранец, блестящий офицер. Из своей страны он вынужден был бежать. Россия приняла эмигранта и обласкала его. Не бог весть какая новость. В России многие

иностранным
Франция
служили.
Некоторым
новая
страна заме-
няла Родину.

Дантеса интересовало другое: личная карьера, удача, успех. Особенно у высокопоставленных сановников. У их жен и дочерей. Кроме того, ему просто нравилось кружить дамам головы, а даные для этого имелись. Рост выше среднего, плечи, выправка. Ловкость и еще — уверенность в себе, в своей неотразимости. Есть такое словечко, французское, кстати, — «кураж». Кураж у Дантеса был. Он заменял многое: ум, порядочность. Дантесу нужны были победы. Сильнее же всего влечет цель, которая недостижима.

Не заметить Наталью Николаевну Пушкину было трудно. В любом обществе, на любом приеме или балу ее

свежесть, ее очарование могли ослепить кого угодно. В ней и вправду было нечто царственное. Она несла себя, как бы стесняясь этой своей царственности. И оттого становилась еще привлекательней.

Дантес увлекся всерьез. Его не останавливало, что предмет его ухаживаний несвободен. Напротив, это прибавляло остроты!

Сплетни распространяются быстро. Узавить Пушкина для многих было средством хорошо повеселиться. Эти «многие» вели себя как злые дети.

Сплетня то утихала, то поднималась вновь, как температура у хронически больного.

Наталья Николаевна, Натали, оставалась Пушкину верна, хотя ухаживания ей льстили.

События требовалось подтолкнуть.

Стояла поздняя осень, начало ноября. Для Петербурга время беспокойное. При сильном ветре могла разбушеваться Нева. Одно из таких наводнений описано у Пушкина в «Медном всаднике». В ту осень 1836 года беда миновала.

Как-то Пушкин получил письмо без обратного адреса. Подписи тоже не было. В письме намекалось, что настоящим мужем Натальи Николаевны является вовсе не Пушкин, а сам царь.

Пушкин догадывался, кто был вдохновителем анонимки: голландский посланник барон Геккерн. Он покровительствовал Дантесу и даже усыновил его. Геккерн был не один, он прятался за спины более влиятельных людей. Затея Геккерна была странная. Он рисковал быть вызванным на дуэль. Рискнул карьерой даже в случае, если бы Пушкин вызвал Дантеса, а не его самого. Может, Дантеса просто использовали? Для Пушкина самое важное было не это. Задета его честь. Может, сам царь стоит за анонимкой? Но не вызывать же на дуэль государя! Открыто пренебрегал честью Пушкина Дантес, он и должен отвечать.

Геккерн испугался вызова. Этого следовало ожидать. Спасая своего приемного сына — и самого себя, — он заставил Дантеса жениться на сестре Натальи Николаевны Екатерине Гончаровой. Женитьба на ней позволяла Дантесу бывать в доме Пушкиных на правах члена семьи. Да еще и оправдать ухаживания за Натали тем, что он через нее устраивал свои «сердечные» дела с сестрой.

Пушкин взял вызов обратно. Он уже был втянут в круто заверченную интригу, но давал своим врагам последний шанс на мир. Хотя мира не было и в нем самом. Ничего не улучшалось ни в его финансовых делах, ни с печатанием лучших поэм и стихов. У него были друзья, он издавал журнал «Современник», но хотел только одного: определенности.

Не прежнего счастья, а хотя бы воли и покоя.

Только не одиночества!

В памяти Пушкина всплыло давнее гадание. Приятель затащил его к известной прорицательнице. Та рассмотрела одну, потом другую ладонь.

«Опасайтесь лошадей, — сказала она приятелю. — Вас ждет смерть на конюшне!» Тот заулыбался: опасаться лошадей? Совсем отказаться, что ли? Ему, гвардейцу!

«А у вас на ладони, — гадалка вторично вертела пушкинское запястье, — я вижу блондина высокого роста. И дуэль из-за женщины. Он может вас убить».

Пушкин выдернул руку.

Через неделю гвардейца копытом ударила в грудь его любимая лошадь. В предсказанной конюшне. Он скон-

П.А. Вяземский

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — князь, сын русского аристократа, поэт, критик и общественный деятель, один из близких друзей А.С. Пушкина.

Родился в Москве, участник Бородинского сражения 1812 г. (получил орден Станислава 4-й степени). П.А. Вяземского, ближайшего литературного соратника А.С. Пушкина, связывала с ним близость литературных вкусов, общность культурных интересов и тесная дружба, которая началась еще в лицейские годы. Ни один из друзей Пушкина не мог бы похвалиться таким количеством стихотворных обращений, каким Пушкин дарил Вяземского. П.А. Вяземский очень высоко ценил творчество А.С. Пушкина и неизменно выступал защитником его литературных позиций. После разгрома декабристов П.А. Вяземский сберег портфель А.С. Пушкина с рукописями, другими ценными материалами. За несколько лет до своей смерти Петр Андреевич опубликовал в 1874 году в журнале «Русский архив» 49 писем А.С. Пушкина к нему и дал к ним комментарии.

В.А. Жуковский

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) родился в селе Мишенском Тульской губернии, рос и воспитывался под непосредственным вниманием Н.М. Карамзина. Жуковский — участник Отечественной войны 1812 г. (ратник московского дворянского ополчения). Стихотворение «Певец в стане русских воинов» принесло ему лавры первого поэта России.

Жуковский ввел Пушкина в общество «Арзамас» в 1817 г. В 1818 г. Пушкин написал стихотворение «К портрету Жуковского».

В близком окружении друзей Пушкина Жуковский занимал особое место: он был поэтом-учителем, старшим другом. Именно он ввел начинавшего поэта в литературу, он же был у смертного одра Александра Сергеевича, а позже подготовил посмертное собрание сочинений. Один из первых биографов Пушкина П.И. Бартнев писал, что они были связаны тесной дружбой, их объединяло высокое отношение к своему поэтическому призванию. Как известно, В.А. Жуковский много хлопотал перед монархом за А.С. Пушкина, желая помочь ему в сложных ситуациях.

чался, не приходя в сознание. Предостережение гадалки Пушкин вспоминал накануне дуэлей. Дуэли были, и, как правило, не из-за женщин. Может, веря в предсказание, он смелее стоял под пулями? Но Дантес... Дантес был как раз блондин и высок ростом. И женщина была. Как раз та единственная, за которую он отвечал перед самим Богом. Неужели он так греховен, что все еще зависит от суеверий? Ведь гадать — грех. Разве не Бог ведет его в этой жизни? Разве защита чести не Божье дело?

Эти мысли пронеслись в его голове, пока он быстро набрасывал письмо Геккерну. Письмо, после которого дуэль станет неизбежной. Он долго смирял себя, терпел, откладывал. Отныне он свободен и ничем не обязан своим мучителям. Вплоть до...

Пушкин попытался отбросить мысль о Николае. Но мысль назойливо жужжала. Впрочем, лучше пе-

рейти к делам. Набросать еще несколько коротких писем. Хотя бы два. И одну записку.

Вызов был Дантесом принят. Бывают ситуации, когда и трусу некуда отступать. Трусом он проявил себя еще в истории с Екатериной. Ныне же и Дантес был загнан в тупик. От Пушкина можно было ожидать и прилюдного вызова.

Пушкин боялся говорить жене о дуэли. К счастью, она задержалась на балу и приехать должна была только утром. Чтобы ее опередить, Пушкин вышел из дому чуть раньше. Он был необыкновенно спокоен. Крутился снежок, мало похожий на ту острую крупу, что ослепляла их со Старовым четырнадцать лет назад. Лицейский товарищ Пушкина, Данзас, взятый секундантом, зябко поеживался. Пушкин вяло глядел по сторонам. Утро было не белым, а сизым. Снежки бы хорошо лепить из этой мокради.

Но с кем перебрасываться? Ау! — Кюхля, Пущин, Горчаков! Дельвиг — первый из нас, кто умер... Ау!

Промелькнула навстречу такая же ранняя карета. Женский капор в окне. Нет, показалось...

Место выбрали далеко за городом. Черная речка. Открытая поляна, две избы поодаль.

Пушкин сдержал желание лихо подкинуть свой пистолет. Лицо Дантеса не выражало ничего, кроме наигранного презрения. Глаза он отводил. Секунданты долго утапывали площадку.

Выстрел Дантеса отбросил Пушкина... на скользкую мокрую палубу. Разве он опять на корабле? Отчего такая темень? Боже мой, живот!

Руку обливало чем-то густым. Он пытался зажать это густое, все глубже увязая в снегу подбородком...

К нему бежали.

— Рано! — прохрипел Пушкин, сплевывая красный снег.

Он видел, что верхняя губа Дантеса прыгала.

Тяжелый пистолет раскачивался, как маятник. Выстрел!

Дантес упал.

— Браво! — попытался крикнуть Пушкин, откидывая пистолет. Больше он ничего не помнил.

Затем был его кабинет и книги до потолка. Кровь, которую не удавалось зажать на снегу, внутри все горело и рушилось.

Ему сказали, что жена в соседней комнате.

— Не выпускайте! — попросил Пушкин по слогам. — Сначала умыться.

Его привели в порядок. Но в порядок нельзя привести боль. Время для Пушкина растекалось кругами.

Когда подошел священник, стало чуть легче, и он услышал, как будто со стороны, свою исповедь. Поцеловал крест. И сам попытался перекрестить жену и детей. Дети смотрели, цепляясь друг за дружку, и близко не подходили. Пушкин приподнял правую руку в направлении высоких томов на угловых полках и прошептал:

— Прощайте, друзья...

Быстро-быстро замелькал туннель с ярким светлым пятном вдали.

Казалось, что он спит.

Гроб из церкви вынесли с черного хода. На отпевании почти никого не было. В последний момент вместо ранее назначенной церкви избрали для

отпевания совсем другую. Пока Пушкин лежал умирающий у себя в постели, по городу бродили слухи, что была не дуэль, а убийство. Потому и делалось все в тайне. Чтобы толпы не собирались на похоронах.

Везли опять в Михайловское. Там возле Святогорского монастыря была у Пушкиных родовая могила. Начиная с прадеда, Ганнибала.

Сопровождал гроб Александр Иванович Тургенев. Тот самый, что определил судьбу Пушкина, посоветовав отдать его в Лицей.

«Солнце русской поэзии закатилось», — изрек В. Одоевский. А слава только начиналась.

Жизнь его пронеслась как метеор. Или, точнее, комета. Одни предвещают пожары, войны. Но есть и другие. Пушкин — из тех, редчайших. Свет от него не рассеивается, а только становится ярче.

Пушкин родился двести лет назад. Свои 37 он прожил ярко и полно. Он написал столько гениальных произ-

ведений, что есть надежда: они не канут в Лету, а останутся нашим общим достоянием.

Удивительно трудно жил великий поэт. Ему не хватало «пустяка» — простого человеческого счастья.

В его жизни было много таинственного. Это и знаменитый теперь заяц, перебежавший дорогу. Может, он был вестником с небес? Он спас его от участия в восстании против царя.

Это и роковая гадалка, угадавшая его судьбу и трагический конец.

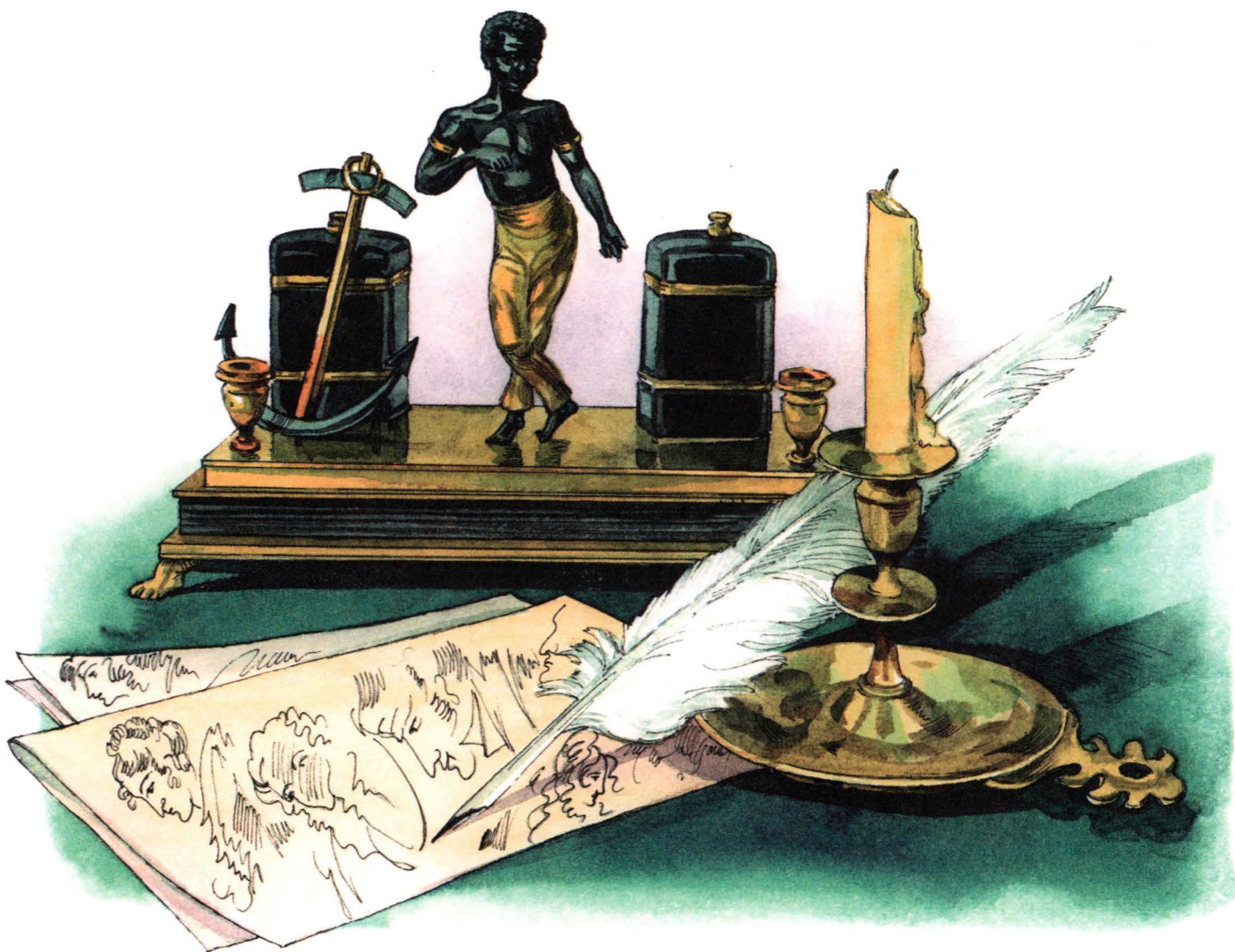
Но самая большая тайна — его поэтический дар. Он подарил нам, своим

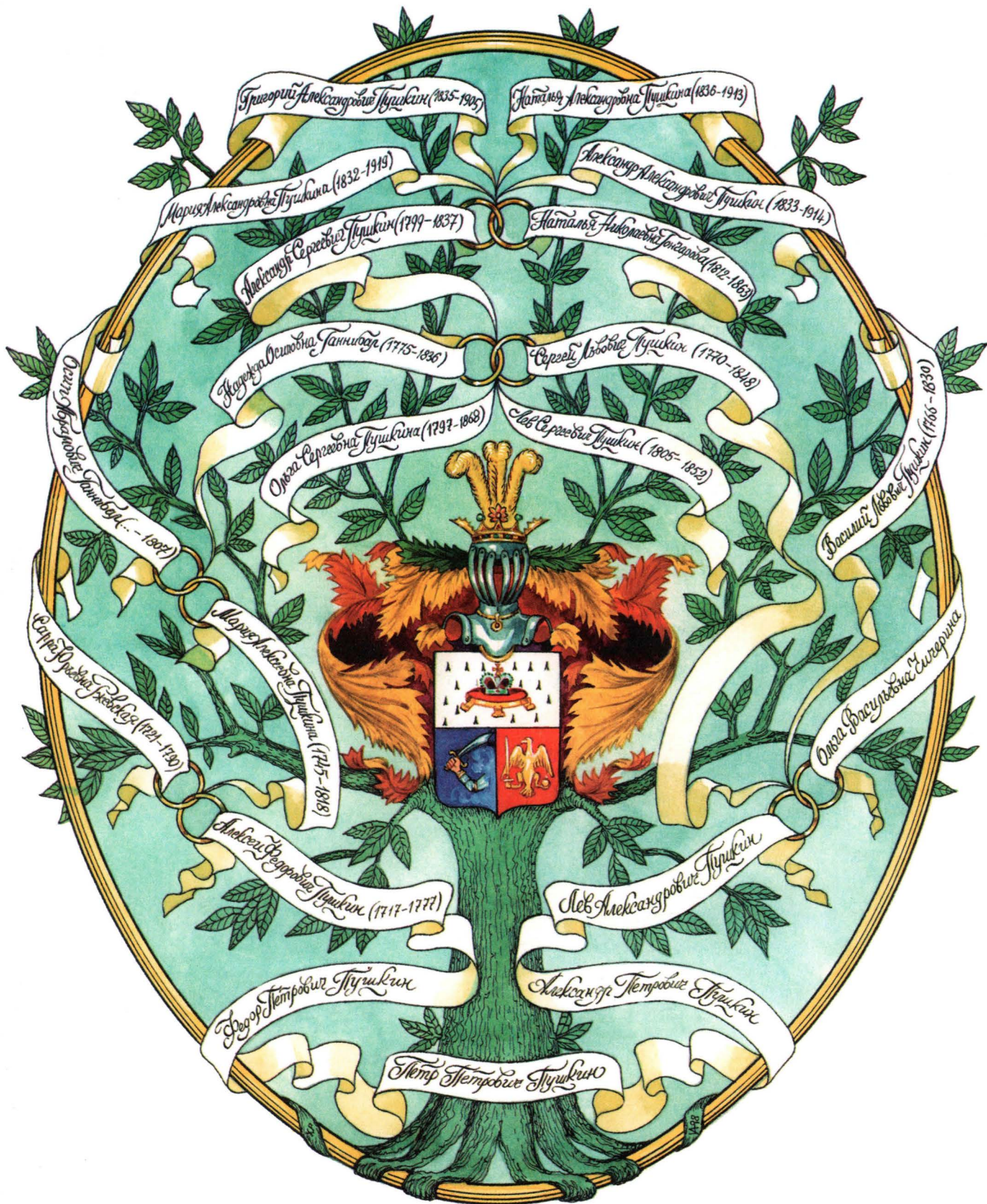
потомкам, великую поэзию. Великий язык, на котором мы и сейчас говорим.

Все знают его стихи. Он с нами — пояись Пушкин сегодня в черной своей крылатке и с тростью, мы, может, и не удивились бы. Вот он — совсем свой! — в центре города. Смотрит на нас и будто говорит:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...*

Одного этого — пробуждения лучшего, что есть в человеке, — достаточно для памяти.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТОТ «ЕГОЗА» ПУШКИН	4
ЛИЦЕЙ	8
«ПОКА НЕ ТРЕБУЕТ ПОЭТА...»	14
«Я ПОЛЮБИЛ...»	18
«ОПАЛЬНЫЙ ДОМИК»	23
ПУШКИН И НИКОЛАЙ I	29
НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА	32
ПОД ОПЕКОЙ ЦАРЯ	36
ЧЕРНАЯ РЕЧКА	39

*Рекомендовано Министерством образования РФ
для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ

А.С. Пушкин

Для младшего и среднего школьного возраста

**Повесть о великом русском поэте А.С. Пушкине,
о его друзьях и недругах, любви и стихах, жизни и смерти.**

Консультант — доктор исторических наук, профессор
Института русского языка им. А.С. Пушкина А.В. Манько

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Коммерческий директор Ю. Сергей
Председатель редакционного совета А. Астахов
Руководитель проекта Н. Астахова
Редактор Л. Жукова
Корректора: А. Новгородова, Н. Старостина
Компьютерная верстка Т. Федорина

ISBN 5-7793-0329-0

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56,
тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам
обращайтесь по адресу:
111399, Москва, ул. Металлургов, 56

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56,
тел. 176-68-95, 176-91-09, 176-80-97, 176-91-04,
176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09
E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:
Торговый Дом «Библио-Глобус»,
101861, Москва, ул. Мясницкая, 6
Торговый Дом Книги «Москва»,
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать 30.01.2003
Гарнитура SchoolBook, печать офсет.
Бумага офсетная. Печ. л. 3,0.
Формат 84×108,1/16.
Доп. тираж 5000 экз.
Заказ № 0100872.

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

Петровское — родовое имение
Ганнибалов-Пушкиных

Дом княгини Волконской —
последняя квартира Пушкина

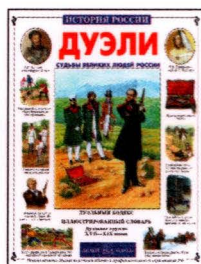
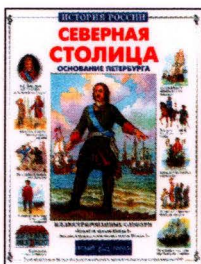
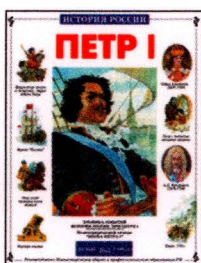
Крым —
место южной ссылки Пушкина

Тригорское. Любимое место
Пушкина — «Скамья Онегина»

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны лучшими детскими книгами 2000 года.

Готовятся к выпуску:

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА
АЛЕКСАНДР
ОСВОБОДИТЕЛЬ
ОТКРЫТИЕ
АНТАРКТИДЫ
ИСТОРИЯ РУССКОГО
ФЛОТА

СЛАВЯНСКИЕ МИФЫ
ИСТОРИЯ МОСКВЫ
РУССКИЕ КОЛУМБЫ
БОГИ ДРЕВНИХ
СЛАВЯН
ИВАН ГРОЗНЫЙ

ISBN 5-7793-0329-0

9 785779 303293 >

ИСТОРИЯ РОССИИ

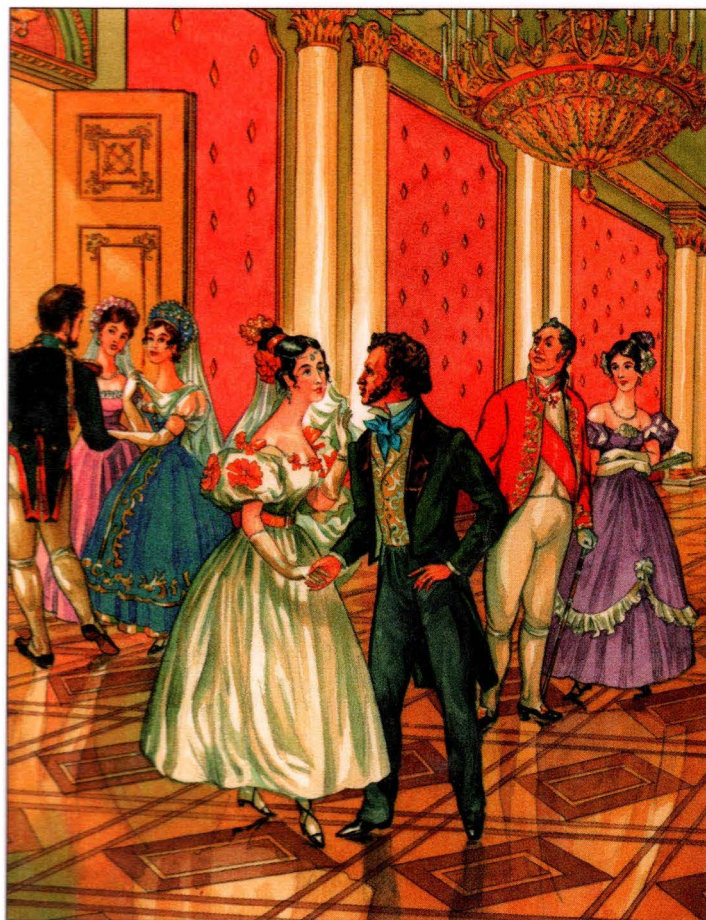
А.С.ПУШКИН

БЕЛЫЙ ГОРОД

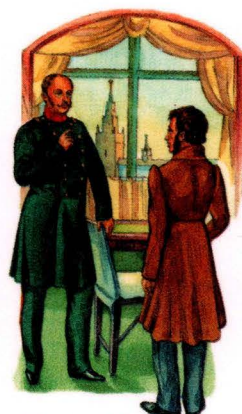
А.С. ПУШКИН

Больше всего Пушкин
полюбил чтение

Пушкин провел
в Болдине три месяца

Николай I
и Пушкин

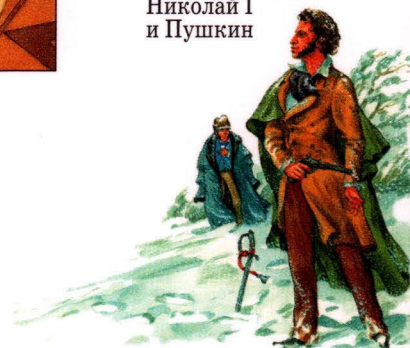
— А у вас на ладони... дуэль...

ЛИЦЕЙСКИЕ ДРУЗЬЯ ПОЭТА,
ДЕКАБРИСТЫ, СОВРЕМЕННОКИ
ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

БЕЛЫЙ

ГОРОД

Ветер крутился и мешал прицелу

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ